



Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ



НЕСГИБАЕМЫЙ

НЕ БУДИ ЛИХО...

Несгибаемый

Константин Калбазов

Несгибаемый. Не буди лихо...

«Автор»

2016

Калбазов К. Г.

Несгибаемый. Не буди лихо... / К. Г. Калбазов — «Автор»,
2016 — (Несгибаемый)

ISBN 978-5-9922-2345-3

Завораживающий, будоражащий кровь и вызывающий всплеск адреналина рев двигателя. В общем-то ничего особенного для нашего мира. Но только не для того, в который попал наш современник Петр Пастухов. Здесь середина двадцатых годов двадцатого же столетия и балом правит пар при полном отсутствии двигателей внутреннего сгорания. Ну не называть же таковым те единицы, что были созданы горе-энтузиастами на собственные скромные средства. Почему «горе»? Так ведь каждый попытавшийся покуситься на монополию паровых машин рискует сложить голову от рук тайного клуба. Неизвестно, чем бы все это обернулось, знай Петр обо всем этом с самого начала. Но теперь у него нет другого выхода: либо он сломит хребет клубу, либо тот прокатится по нему тяжелым катком.

ISBN 978-5-9922-2345-3

© Калбазов К. Г., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Константин Калбазов

Несгибаемый. Не буди лихо...

Глава 1

Мечта, ставшая явью

– Очередной выпад тайного клуба! Убит известный американский инженер Раймондс! Читайте! Читайте! Темные силы препятствуют мировому прогрессу!

По мере того как мальчишка зазывал покупателей, он едва успевал принимать плату от читателей, рвущих газеты из его рук. Раньше такое случалось не так чтобы и часто. Обычно продавцам газет приходилось бегать по улицам, подбегать к пролеткам и трамваям, в надежде кого-нибудь заинтересовать новостями.

Но с тех пор как во всей мировой прессе появились шокирующие предположения о существовании тайного клуба, все изменилось. Никто не знал, кто входит в этот клуб, тенью нависший над миром. Но все знали абсолютно точно, что он существует, а еще то, что эти люди готовят очередную мировую бойню. И каждый точно знал, какие цели преследуют эти серые кардиналы. Правда, договориться между собой обыватели не могли, а потому с жаром отстаивали каждый свою точку зрения.

Но факт оставался фактом: изобретатели, добившиеся сколь-нибудь значимых успехов в создании двигателя внутреннего сгорания, становились жертвами неких тайных сил. И пусть общество могло только предполагать, кто конкретно входит в эту структуру, ее жертвы были известны поименно.

И вот сегодня мальчишки выкрикивают новое имя. Жаждающие новостей обыватели спешат узнать подробности новой трагедии. Тираж ограничен, а потому нужно успеть приобрести газету, чтобы быть в курсе событий, касающихся столь популярной в последнее время темы. Вот и некогда мальчишкам по улицам бегать. Страждущие сами стремятся к ним за желанными новостями.

Петр посмотрел в окно своего авто и невольно усмехнулся. Мировая общественность взорвалась год назад, когда в уважаемых изданиях нескольких стран грянул гром. Нанятый частный сыщик Акимов хорошо потрудился, выискивая сведения о гибели изобретателей. На это у него ушло целых полгода. Количество выявленных фактов поражало. Просто невероятно, сколько людей лишились жизни лишь потому, что решили покуситься на монополию паровых машин.

Разумеется, у Пера не было никаких доказательств, только сами факты гибели изобретателей. Причем в большинстве своем они были расследованы, и причины смерти установили доподлинно. Но это его не остановило. Петр нашел несколько молодых, способных и жадных до славы репортеров с бойким пером и подбросил им идею. Не он лично конечно же. Этим занимался Акимов.

Стоит ли говорить о том, что молодых людей обуял такой азарт, что впору было их сдерживать? Им не терпелось непременно быть первыми, чтобы искупаться в лучах славы. Однако все же удалось убедить их, что несколько разрозненных ударов будут иметь не столь ощутимый эффект. Мало того, это вообще может пройти незамеченным. А вот если рванет одновременно во многих странах...

Бомба разорвалась в строго назначенный день. Кое-где пришлось даже приплатить владельцам газет, чтобы они взяли напечатать какую-то там галиматью. Но эффект превзошел все ожидания. Общественность сильно взбудоражилась. И тогда уж газетчики вцепились в

молодых репортеров с их неизвестными источниками информации и были готовы платить любые деньги. В пределах разумного, разумеется. Но эти пределы имели весьма серьезный денежный эквивалент. Еще бы, если тиражи сразу же выросли в несколько раз.

Знамя тут же было подхвачено другими репортерами, начавшими рыть землю в поисках все новых и новых фактов. Но те, которые оказались первыми, имели неоспоримое преимущество и неизменно оставались в лидерах.

Мало того, они располагали мнениями и выкладками ученых химиков. Кому еще судить о возможности изготовления мощных бомб, сравнимых с бризантными взрывчатыми веществами, как не им. И коль скоро двигатели взрываются... Да так, что разрушают мастерские, а это нередко каменные строения... Делайте выводы, господа. И обыватель делал правильные выводы. Именно те, в которые хотел верить больше всего. Это мировой заговор!!!

Впрочем, Пастухова куда как больше волновал совершенно иной вопрос. Уж кто-кто, а он прекрасно знал обо всех этих новостях. Нет, статьи не проходили его редактуру, он даже далеко не все их читал. Но с него вполне было достаточно и того, что он представлял, о чем там говорится в общем. А частности его не интересовали. Не хватало еще поддаться истерии, зачинателем которой сам же и являешься.

Но ведь в газетах печатают не только сенсационные новости о всемирном заговоре неких темных сил, но и совершенно прозаические вещи. К примеру, есть колонка Государственной Думы, где можно ознакомиться с деятельностью народных избранников. И признать, именно эта колонка сейчас и интересовала Петра больше всего.

Н-да. Звать мальчишку бесполезно. У него и так нет отбоя от желающих разжиться газеткой, так что свисти не свисти, зови не зови – все без толку. Вздохнув, Петр привычно бросил взгляд по сторонам и в зеркала заднего вида. Убедился, что обстановка вокруг вроде как не вызывает опасений, и только после этого открыл дверцу автомобиля, ступив на тротуар, под лучи июньского солнца. Не такого уж и жаркого, надо сказать. Все же Северная столица.

Эта предосторожность вовсе не лишняя, учитывая то, что полтора года назад его шкуру протыкали в очередной раз. Теперь для разнообразия это было сделано ножом. На него напал некий урка по кличке Студень, пробавлявшийся подручным у воровского авторитета (или, как их тут называют, – Ивана) Крапивы. Угу. Петр вообще способный, за время своего нахождения в этом мире успел обзавестись как добрыми друзьями, так и лютыми врагами.

Все началось четыре года назад. Жил себе Петр Пастухов в своем две тысячи пятнадцатом году и горя не знал. Ну, почти. Ничего такого, с чем бы не мог справиться. Но все изменилось, когда он решил навестить своего друга по детскому дому, который подался в науку и обосновался в славном граде Красноярске.

Васютин Сергей задался целью создать пространственный пробой. По его мнению, это стало бы не только величайшим научным открытием, но и новой вехой в развитии человечества. Позволило бы многократно ускорить перемещение по Земле, без труда подниматься на орбиту или даже преодолевать несколько световых лет, сделав всего лишь несколько шагов. В перспективе, конечно.

Но вместо этого он создал машину, способную устраивать прокол в параллельные миры. Когда открылся портал, друзей буквально засосало сюда. Вот так они и оказались в этом мире, очень похожем на их собственный, только с некоторыми отличиями.

Здесь был одна тысяча девятьсот двадцать первый год. Первая мировая война закончилась победой Антанты. Но при этом не произошло никаких революционных потрясений, и на престоле все так же восседал император Николай Второй. Австро-Венгрия исчезла с политической карты мира, зато Германия, хотя и потрепанная, осталась на плаву. И даже досталось ей не так сильно, как это было в мире Петра.

А еще балом в этом мире правил пар. Паровые автомобили, трактора, самолеты, дирижабли... Правда, Васютин всего этого так и не узнал, потому что погиб при переходе. В очередной раз оставив Петра сиротой. Образно, понятное дело.

В целом Петр неплохо прижился в этом мире. Будучи автослесарем и хорошо разбираясь в моторах, он решил создать ДВС. А что такого? Вписать свое имя в историю, как тот же Рудольф Дизель, чем не достойная цель в жизни? Подумаешь, он украдет идею и то, что для местных ученых является настоящим откровением, – для него всего лишь некогда выученная глава в учебнике. Кто сможет его уличить? Ну вот такой он уникум.

Но создание принципиально нового двигателя, да к тому же крайне непопулярного здесь, – дело весьма затратное. Под его создание не получится выбить и копейку из потенциальных инвесторов. Всем известно, что идея бесперспективная, а стало быть, заведомо убыточная. Те же, у кого водятся деньги, потому и стали состоятельными людьми, что за проигрышные дела не брались. Нет, рискнуть, конечно, можно, но только когда затея чего-то стоит.

Так что выход у Петра был один. Заработать необходимую сумму, построить свой двигатель и доказать всем, насколько они ошибаются. Угу. Наивный. Не все так просто в этой жизни. А уж в его – и подавно. Вроде и не стремился ни к чему подобному, но, едва оказавшись в новом мире, сразу начал влипать в одну историю за другой. Причем не обошлось и без смертоубийств. Н-да. Ну и сам несколько раз расходился с костлявой краями. Чего уж там.

С риском для себя Пастухов стал купцом-золотопромышленником. И, казалось бы, теперь пришла пора вплотную приняться за дело. Но так уж вышло, что его обвинили в убийстве, которого он не совершал. Как результат лишился своего прииска. Хорошо хоть нашелся честный купец, к тому же обязанный Петру жизнью, и половину доходов все же сохранить удалось. Хотя при этом и пришлось отправиться в ссылку.

Получаемой прибыли оказалось более чем достаточно для создания двигателя. Осталось только найти грамотного инженера. И тут Петру повезло. Познакомился в ссылке с немецким инженером. Не гений, но умный и старательный. Вместе они привнесли в этот мир несколько новинок и первый двигатель внутреннего сгорания, который в мире Петра носил имя Рудольфа Дизеля.

И вдруг выясняется, что здесь не все так просто. Потому что есть некие силы, которые препятствуют появлению ДВС. Причем не просто мешают их создателям, а убивают их. Некий тайный клуб промышленников, который давил в зародыше саму идею создания нового двигателя.

Кстати, на совести клуба была и гибель Рудольфа Дизеля. У Кессениха, соратника Петра, знавшего его историю без купюр, не хватило совести назвать двигатель своим именем. Узнав о судьбе гениального инженера и памятуя о рассказах Пастухова, он назвал двигатель дизельным. Мало того, они даже заказали пространную статью по поводу подлого убийства изобретателя. Отто Рудольфович Кессених же позиционировал себя как продолжателя его дела.

Нет, Петр вовсе не жаждал борьбы, и коль такое дело, то вполне предпочел бы забраться в тихий уголок и жить там в свое удовольствие. Возможность для этого у него была. В прошлом году его доля от прииска составила порядка ста пятидесяти тысяч рублей золотом, и в этом году она должна была подрасти еще тысяч на пятьдесят. Плюс к этому они с Кессенихом получали дивиденды по их совместным лицензиям, что в среднем приносило около пятидесяти тысяч ассигнациями ежегодного дохода.

Вот только Петр был уверен, что спокойно жить ему не дадут. Потому что любое инакомыслие и маломальское покушение на безраздельное властвование паровых машин пресекалось без всякой жалости. Подобный подход попросту лишил Петра выбора. На кону стоял сам факт его выживания. Либо он переломит ситуацию в свою пользу, либо тайный клуб прокатится по нему стальным катком.

И Петр включился в борьбу. Газетная шумиха, начатая год назад и подхваченная репортерами всех стран, являлась только вторым шагом, благодаря которому Пастухов собирался банально выиграть время. Первым было выявление и уничтожение очередной группы силовиков тайного клуба, работавшей на российском направлении.

В настоящий момент члены клуба увязли в информационной войне. Надо сказать, что в борьбу против молодых и дерзких включились маститые акулы пера. И даже общеизвестные авторитетные ученые умы. Правда, им было нелегко управиться с пылкими сердцами и охватившей общество истерией. И все же постепенно, мало-помалу они начали отвоевывать свои позиции.

Наверняка в России уже действовала новая группа, призванная бороться с инакомыслием. И что-то подсказывало Петру, что на этот раз ее силы и штат будут куда более внушительными. И в первую очередь это коснется числа бойцов. Пастухов уже успел показать, что способен действовать радикально и с не меньшей решимостью, нежели эти кукловоды. А потому его будут воспринимать всерьез.

Однако в его планы вовсе не входило меряться силами с этим самым тайным клубом. Втянется в силовое противостояние – и проиграет. Тут без вариантов. Поэтому нужно перевести борьбу на выживание в конкурентную плоскость. Вот этим-то он и занимался больше года, вложив в дело не такую уж маленькую сумму. И это при том, что направлений, требующих серьезных трат, и так хватало...

Убедившись в очередной раз, что в данный момент на него вроде как никто покушаться не собирается, Петр направился к мальчишке. Пришлось слегка потолкаться с тремя господами дородного сложения, жаждавшими заполучить свежий номер «Ведомостей», но все же ему удалось завладеть своим экземпляром. Кстати, едва ли не последним. Не успел Петр вернуться в свой автомобиль, как мальчишка уже убежал в сторону редакции, за новой пачкой газет. Вот так. Стоило Петру протянуть еще несколько секунд, и пришлось бы искать нового разносчика.

Колонка нашлась именно там, где ей и положено быть. И хотя изложенные в ней новости были куда важнее, нежели очередное разоблачение тайных сил, значения им придавалось куда меньше. А ведь они взаимосвязаны, пусть это и не рассмотреть с первого взгляда. Да что там, не увидишь ни со второго, ни с третьего. Правда, это только если...

Ага. Есть! Ну наконец-то Госдума разродилась. Впрочем, год – это еще быстро. Тем более учитывая, что финансировать большое лобби Петру не по силам. Ну да грех жаловаться. Закон принят. Да и вовремя, чего уж там. Строительство его завода как раз вступало в завершающую стадию. Еще несколько месяцев – и можно будет запускать производство.

Итак, если коротко, то на вчерашнем заседании Думы была принята поправка к закону о такси. В первом своем варианте он предусматривал использование в этом качестве только автомобилей «Прохор» российского промышленника Зотова и был нацелен на то, чтобы поддержать отечественного производителя.

Правильное, в общем-то, решение. Вот только подразумевает под собой отсутствие конкуренции и абсолютную монополию промышленника. Зотов не стал особенно переживать, узнав об этой инициативе одной из фракций. Ну, подумаешь, депутаты всполошились от безделья. Надо же им показать свою работу, вот и сочиняют всякую чушь. Да хоть десять поправок примите. Поставки автомобилей для такси – безраздельная песочница Зотова, в которой он будет играть так, как ему хочется.

На сегодняшний день в России существует только три автомобильных завода. Завод Игнатьева. Настоящий гигант, производящий сразу три типа автомобилей: шеститонные «Муромцы», полутонатонные «Добрыни» и легковые «Поповичи». Все автомобили имеют по две-три модификации. Немалая их часть уходит армии и флоту, что обеспечивает Игнатьеву стабильные заказы.

Второй завод – казенный «Руссо-Балт». С объемами выпускаемых автомобилей у него не так чтобы и хорошо. Автомобили довольно дорогие, поэтому пользуются спросом в основном у светской публики. Правда, эти клиенты предпочитают заказывать авто с учетом их предпочтений. Так что каждый автомобиль получается чуть ли не штучной работы.

А чтобы завод не простаивал, при отсутствии частных заказов там выпускали автомобили по заказу министерств и ведомств. Когда императору стало известно о том, что чиновники предпочитают разъезжать на иностранных автомобилях, ему это не понравилось. Поэтому в России существовало негласное правило: ведомственные гаражи комплектовались «Руссо-Балтами». Но даже бюджетные варианты отличало исключительное качество.

Ну и, наконец, завод Зотова, который специализировался на выпуске легковых автомобилей. Всего он выпускал три вида. Такси, которые добрались уже до губернских городов. Небольшой фургончик, пользующийся популярностью у средних и крупных лавочников. И личные легковые автомобили.

Так что пока в законе стояла хотя бы одна оговорка о том, что автомобили такси должны быть непременно российского производства, Зотову Прохору Ивановичу волноваться нечего. В ближайшие несколько лет ему конкуренция не грозит. Если она вообще возможна.

Может, и найдется такой купец, что захочет наладить производство автомобилей. Но ему не отменить незыблемого закона экономики – спрос рождает предложение. И никак иначе. А сегодняшний спрос по автотранспорту пока вполне обеспечивается имеющимся производством, которое постепенно наращивается.

Конечно, если тенденция роста спроса сохранится и дальше, то имеющихся мощностей будет явно недостаточно. Но кто сказал, что заводчики не думают о будущем? К примеру, Игнатьев уже провел модернизацию два года назад и сегодня вроде как ставит новые цеха. Сам Зотов также не дремлет и уже в следующем году начнет расширение производства. Так что, как уже говорилось, в ближайшие несколько лет ему вообще можно не беспокоиться по поводу конкуренции.

Все это так. Но вот, к примеру, Петр на месте заводчика не был бы столь уж самоуверенным. Почему? Да потому что, коль скоро Пастухов вложил в принятие поправок к закону, то сделал это вовсе не просто так. Как говорил один его знакомый: «Мне бы только пальчик всунуть, а там уж я весь пролезу». Вот и Пастухов собирался подложить господину Зотову небольшую такую свинку.

А ведь всего этого могло и не быть. Ну к чему было Зотову прогонять Пастухова, когда он обратился к нему с предложением продавать ему «Прохоров» в неполной комплектации? Разумеется, не по цене полноценного автомобиля. Петр собирался устанавливать на него свой двигатель. Но был не понят и поднят на смех. Поэтому для осуществления замысла пришлось искать другие пути...

Далее Петр перевернул газету и пробежался по колонкам, где обычно размещали заметки о тех или иных достижениях, открытиях и начинаниях. Публика ведь самая разнообразная, а потому и подача информации весьма разносторонняя.

Обычно в этих колонках подавалась информация, не заслуживающая особого внимания. Какой-то изобретатель искал потенциального инвестора и пытался, таким образом, привлечь к себе внимание. Очередной ученый, добившись каких-то результатов, спешил возвестить об этом всему миру, даже если всем на это было глубоко наплевать, а само открытие не несло никакой практической пользы.

Но Петр взял себе за правило в обязательном порядке просматривать эти колонки. Многим изобретениям и открытиям изначально придавалось слишком мало значения. Он же был представителем более позднего общества, а потому мог выделить то, на что другие и не взглянули бы. Сколько раз Кессених пенял партнеру на то, что тот выдает очередную идею бессистемно и спонтанно. Но Петр ничего не мог с собой поделать. Просиди он целый день, вспо-

миная свой прежний мир и стараясь выдавить из себя хоть что-то, все было бы без толку. Разве что к концу дня вместо какой-нибудь полезной идеи заполучил бы головную боль. Что было очень даже возможно, учитывая его контузию. А тут просто просматриваешь газету – и мысль возникает сама собой.

Опять же, действовал Пастухов без фанатизма, не хватаясь за все подряд. Высматривал идеи, так сказать, в интересующей его части. А иначе им с Кессенихом никаких сил и средств не хватит, чтобы все это воплотить в жизнь. Да и ни к чему оно. Лишнее.

Взгляд привычно скользил по колонкам, просматривая изложенное в них по диагонали. Вчитываться во все это желания не было никакого. Петр и в своем-то мире не любил сживать с газетой в руках, а здесь и подавно.

Оп-па. А это что? Ну-ка, ну-ка. Та-ак. Просто замечательно. А главное, все в кассу. И, что немаловажно, несмотря на траты, Петру подобное точно по плечу. Найдет он средства. В лепешку расшибется, а найдет. Если что, тесть поможет. Хм. А может, ему это дело и отдать на откуп? Ну, как вариант. А что, Игнатьев – лицо заинтересованное, владелец целого автогиганта. По нынешним меркам, ясное дело.

Но какое это, по сути, имеет значение? Ведь можно наладить производство и экспорт готовой продукции за границу. Задавить тамошних производителей дешевыми аналогами и отобрать рынок сбыта. Если Петр прав, – а ему кажется, что оно так и есть, – то это будет не особо сложно.

Пастухов снял свой «Руссо-Балт» с ручного тормоза и слегка придавил педаль акселератора. Тяжелый автомобиль плавно тронулся с места и, отъехав от обочины, покатиł вдоль по улице. Петр всегда тяготел к бронированным авто. Ну, после того, как его пару раз продырявили. Поэтому и сейчас раскатывал по столице в эдакой крепости на колесах. Весьма комфортабельная крепость, надо сказать.

Петр оказался прав, когда предположил, что бронированные лимузины будут пользоваться успехом у представителей света и высокопоставленных чиновников. Правда, Игнатьев производил только броневики для казначейства. Это еще хоть как-то вписывалось в его продукцию, не отличающуюся особым изяществом. Поэтому идею создания комфортного блиндированного автомобиля он подарил управляющему «Руссо-Балта».

Тот оказался достаточно расторопным малым, чтобы понять выгоду завода. И, надо сказать, сумел воплотить идею настолько красиво, что вот так, с первого взгляда, и не поймешь, что перед тобой бронированный монстр. А чтобы добраться до пассажиров в салоне, понадобится как минимум пара сотен граммов тротила или на худой конец полевая пушка. Кстати, до Петра дошли слухи о получении заводом заказов из-за границы.

Проехав пару кварталов, он вновь притерся к обочине возле одного из кафе с крытой летней площадкой. Время приближается к полудню, а потому две трети столиков уже заняты. В основном это женщины с детьми. Изредка в наличии полное семейство. Но в основном мужчины сейчас трудятся в поте лица, зарабатывая на хлеб насущный.

При виде площадки, с которой доносился детский щебет, Петр невольно улыбнулся. Его детство было не таким радостным и безоблачным. Он рос сиротой, эдаким волчонком, озлобившимся на весь окружающий мир и в особенности на вот таких малышей, у которых было все. Нет, не в плане благосостояния. У них были родители, которые радовались вместе с ними и переживали за них всем сердцем. Он же был этого лишен.

Поэтому больше всего на свете он хотел иметь свою семью. Настоящую, крепкую и любящую. Он был готов ради этого расшибиться в лепешку в своем мире, а обрел ее здесь. Год назад Петр женился на замечательной девушке, и в скором времени они станут полноценной семьей. И это переполняло его счастьем. Н-да. А вот об Александре так не скажешь.

Вернее, она, бедняжка, и сама не знает, чего хочет больше. Вроде и ребенка хочется. Она его уже любит, ласково оглаживая свой живот. И в то же время, будучи на сносях, не больно-

то получается заниматься любимым делом. А Александра ведь без пяти минут дипломированный инженер-механик. Причем работать с одними только чертежами ей неинтересно. Ей непременно хочется воплотить свою задумку в металле, причем своими руками. Не полностью, разумеется, но в немалой степени.

Ну и как ей встать к верстаку с выпирающим животом? А главное, не навредить ребенку, ворочая железки? Вот и взял Петр с супруги обещание не ходить в мастерскую, пока не разрешится от бремени. Ведь не удержится, обязательно полезет в работу. И она это поняла. Поняла и приняла.

Одарив улыбкой детвору, Петр прошел в помещение кафе и направился напрямик к стоящему у стойки приказчику.

– Здравствуйте. Чем могу быть полезен? – встретил тот гостя любезной улыбкой.

Впрочем, молодец парень. Умеет себя подать. Не то что иные, от которых буквально разит слащавостью. Вот так взял бы – и в морду. Без разговоров и объяснений. Просто потому что бесит. В этом же слащавости нет и в помине, даже наоборот – приятно разговаривать. Вот молодец. Что тут еще скажешь.

– У вас есть телефон? – поинтересовался Петр.

– Да, конечно. – Без намека на разочарование приказчик указал на круглый столик углу, на котором стоял аппарат.

Ведь просьба Петра означала, что, по сути, он не собирается ничего заказывать. В принципе телефон в кафе – для посетителей, но нигде не станут отказывать в просьбе позвонить. Это плохо сказывается на престиже заведения. Тем более что господин выглядит весьма респектабельно.

Подойдя к столику и не присаживаясь на резной стул рядом с ним, Петр снял трубку телефонного аппарата. Раритетная штучка, хотя и без вычурностей. Впрочем, здесь это вполне современный бюджетный аппарат. А раритетным он станет только по прошествии нескольких десятков лет.

Подумав об этом с мысленной улыбкой, Пастухов набрал пятизначный номер. Вот так. Прогресс шагает семимильными шагами. Во многих губернских городах на телефонных станциях все еще сидят барышни, а вот в обеих столицах уже действуют автоматические станции.

Ждать ответа пришлось недолго. Буквально через три гудка на том конце провода сняли трубку, и послышался женский голос.

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, Елена Олеговна.

– Да, Петр Викторович? – отозвалась секретарша Кессениха нейтральным тоном, но без вызова.

Вообще-то Отто Рудольфович предлагал ему обзавестись собственной секретаршей. На начальном этапе у Петра забот был полон рот. Да и сейчас, как и в будущем, предстоит немало трудов. Обходиться же без помощника не очень-то легко.

Однако Петр отказался от секретаря. Нет, если там секретаршу, как у Кессениха, то еще ладно. Но мужчину на этом месте он попросту не видел. Поэтому предпочитал записную книжку. Ну и без зазрения совести при первой же возможности взваливал проблемы на своих компаньонов. Благо делец из него откровенно никудышный.

А все из-за Александры, оказавшейся весьма ревнивой особой. Однажды она огорошила мужа вопросом, что это у него за косоворотка такая, с вышивкой, которую он никогда не носит, но в то же время хранит в своих вещах. Пришлось пояснить, что это подарок от его квартирной хозяйки по Красноярску. Остальное супруга додумала сама.

Н-да. Бог весть как, но Александра умудрилась раздобыть фотографическую карточку Аксины. Еще и вердикт вынесла, мол, не молода, но у Петра губа не дура. Одобрила, словом. Угу. А потом без обиняков отстранила от тела. Две недели мариновала и не поддавалась ника-

ким уговорам. И только когда он перестал настаивать, встревожилась и сама взяла мужа в оборот. Вот тогда-то, пожалуй, они и сподобились. С ребеночком-то.

Как бы то ни было, но Петр остался без секретаря. Впрочем, не особо горюя по данному поводу и бессовестно загружая своими заботами секретаршу Кессениха. Ну, в той степени, в какой она сама позволяла ему это делать. С характером женщина, чего уж там.

– Елена Олеговна, не могли бы вы разыскать Сергея Кирилловича?

– Разумеется, – послышался степенный голос женщины.

– Тогда пускай он мне позвонит по номеру... – Взгляд на приказчика.

– Два двенадцать пятнадцать, – тут же отозвался тот.

– Два двенадцать пятнадцать, – продублировал Петр в трубку.

– Хорошо. Насколько это срочно?

– Это очень срочно.

– Я поняла.

– Милейший, я бы не отказался от обеда. Это возможно? – положив трубку, обратился Петр к приказчику.

– Конечно. Где желаете присесть?

– Пожалуй, вон там, в углу.

Устраиваться на летней площадке не хотелось по двум причинам. Во-первых, Петр тут как бы ожидает звонка, и далеко отходить от телефона ему не резон. Во-вторых, площадка слишком уж открыта, а его отношение к вопросам безопасности было на уровне паранойи. Вот стоит только разок расслабиться, как неприятности тут как тут. Поэтому сядет лучше в уголке небольшого зала. Так и спина прикрыта, и любой вошедший сразу же попадает в поле зрения.

Акимов, бывший частный сыщик, который сейчас был у него начальником службы безопасности, позвонил, когда Петр едва только принялся за суп. Впрочем, данное обстоятельство ничуть его не расстроило. Он поспешил к аппарату.

– Сергей Кириллович, немедленно разыщите мне координаты некоего Лебедева Сергея Васильевича. Знаю о нем лишь то, что он вроде как химик.

– Не поручусь, что смогу управиться достаточно быстро.

– О нем есть заметка в сегодняшних «Ведомостях». В разделе новостей научного мира.

– Я понял, Петр Викторович. Вы будете ожидать на этом номере?

– Да.

Кухня в кафе оказалась просто замечательной. А может, это оттого, что Петром овладели нетерпение и вера в непременный успех. Во второй раз его позвали к телефону, когда он уже пил кофе.

– Лебедев Сергей Васильевич, декан химического факультета Императорского Петроградского университета, – послышался в телефоне голос Акимова.

– Ага. Спасибо, – быстро записывая информацию в неизменный блокнот, поблагодарил Пастухов.

– Петр Викторович, вы что же, собираетесь прямо сейчас его разыскать? – удивился Акимов, уловив это по возбужденному голосу собеседника.

– Некогда, Сергей Кириллович.

Петр бросил трубку и поспешил на выход, не забыв оставить плату с щедрыми чаевыми. Очень уж хотелось убедиться в том, что это не очередная газетная утка. Угу. Ко всем этим сенсациям нужно подходить со здоровым скепсисом. Очень уж визгливая и ненадежная братия эти репортеры. Им главное – погромче прокукарекать, а там хоть не рассветаи.

Выйдя на улицу, привычно осмотрелся по сторонам, оценивая всех, кто оказался в поле зрения. Оно бы телохранителей завести, эдак куда надежнее. Кстати, супругу, тестя и Кессениха все время сопровождают по два молодца, прошедших серьезную школу войны. Но Петра от одной мысли о том, что у него появится личная охрана, бросало в смех. На ум сразу же при-

ходили новые русские из его мира. Может, и глупо, но... Ну вот не хотел он заводить охрану, и все тут.

Два пистолета в наплечных кобурах, один из которых на всякий случай был заряжен травматическими патронами. Те в свое время уже доказали свою пользу, хотя и не гарантировали полное исключение летального исхода.

В автомобиле пистолет-пулемет Томпсона с магазинами на тридцать патронов. В России их незатейливо называют автоматами. Кстати, отличная машинка. Петр остался доволен. Разве что не по вкусу серьезный вес оружия и небольшая прицельная дальность. Да идиотскую переднюю пистолетную рукоять заменил на нормальное цевье.

Четыре светозумовые гранаты – полноценные изделия, доработанные Пастуховым до нормальной кондиции; да парочка дымовых шашек. Ни с чем более серьезным в России лучше не связываться. К бомбистам здесь отношение, можно сказать, трепетное. Как, впрочем, и в Европе в целом. А так – простые петарды, не запрещенные к свободному обороту. Да, с запалами. Так и что с того?

Ну и напоследок – тонкая кольчуга, вшитая под подкладку обычного с виду жилета. Пулю, конечно, не сдержит, но уж ножичком его лучше не тыкать. А то был прецедент. Вообще бронежилет не помешал бы. Но кевлар этому миру пока неизвестен, а имеющиеся образцы бронежилетов больно уж громоздки. Так что вариант с вшитой стальной кольчужой самый оптимальный.

При таких мерах предосторожности, да еще и разъезжая в бронированном автомобиле, Петр считал, что он в относительной безопасности. По крайней мере, готов встретить неприятности, коли таковые возникнут. Все равно глупо? Да он, в общем-то, и не спорил. Просто если кто-то всерьез решил тебя убить... Ну, усложнить ему воплощение задуманного ты сможешь, по-настоящему же противостоять, будучи в глухой обороне, – нет.

Выбежавший из кафе приказчик не успел окликнуть давешнего клиента. Тот уселся в свое авто и умчался куда-то вверх по улице. Молодой человек только пожал плечами. После чего вернулся в кафе и сообщил звонившему, что нужный ему человек уже уехал...

Одним из корпусов университета было здание Двенадцати коллегий. Постройка весьма преклонного возраста, заложенная еще Петром Великим. Именно здесь и располагался химический факультет. Ну и как следствие – нужный Пастухову человек. Ибо где еще может находиться его декан?

Найти Лебедева не составило труда. Первый же попавшийся студент указал точный маршрут. Несколько минут, и вот Петр уже перед дверью нужного ему кабинета. Иное дело, что непрошеному посетителю пришлось ожидать, пока профессор освободится. Студенты для него были куда важнее какого-то незнакомого господина.

Петр ждать не любил. Но, тем не менее, взяв себя в руки, подпер стенку в терпеливом ожидании, надеясь на то, что все же не ошибся и оно того стоит.

Примерно через двадцать минут Лебедев наконец освободился, и Пастухов сумел-таки попасть в его кабинет. Правда, долго радоваться данному обстоятельству не пришлось. Они едва успели обменяться приветствиями и представиться, когда в кабинет ворвалась очередная группа студентов. Возможно, это были любимцы профессора. Но...

Петр решительно выдворил нахалов за дверь. Один из них, особенно бойкий, попытался было воспротивиться подобному произволу. Но Пастухов боднул его таким взглядом, что у студента сразу же отпало желание связываться с этим бешеным.

– Вообще-то подобное на моем факультете не принято, – наблюдая за происходящим со скрещенными на груди руками, нейтральным тоном произнес Лебедев.

– Прошу прощения, Сергей Васильевич, но я честно дожидался своей очереди в течение двадцати минут и терять время из-за очередной стайки студентов просто не могу.

– Вот, значит, как.

– Увы. Я деловой человек, для меня время – деньги. Подчас большие. И здесь я с обоюдным предложением. Конечно, вы как человек просвещенный и образованный можете вытолкнуть взащей купеческое быдло. Но я все же посоветовал бы для начала меня выслушать. Вдруг мне все же удастся сообщить вам нечто интересное.

– Хм. Знаете, а вы меня заинтриговали, – вдруг произнес Лебедев и, подойдя к двери, запер ее на засов. – Иначе нам просто не дадут поговорить, – пояснил он свои действия. – Увы, но таков уж у меня стиль управления факультетом. Межу нами говоря, нашей профессуре это жутко не нравится. Но я пока еще жив. Итак, молодой человек?

Ну а что такого, конечно молодой. Петру сейчас уже двадцать девять. Но и перед ним стоит мужчина за пятьдесят, с правильными чертами лица, высоким лбом, зачесанными назад густыми с проседью волосами, с профессорской или, может, все же императорской бородкой клинышком. Кстати, достаточно красивый и представительный дядька. Наверняка если бы у него на факультете обучались девушки, они все были бы в него влюблены. Просто тут в дополнение к внешности еще и то, что студенты явно им восхищены.

– Для начала я хотел бы уточнить. Вот эта заметка в «Ведомостях» – насколько она правдива? – Петр протянул профессору газету, но тот даже не стал брать ее в руки.

– Там все изложено совершенно верно. Мне и моей группе удалось получить пять фунтов синтетического каучука¹.

– И каковы перспективы?

– Вообще-то это весомое открытие. И коль скоро вы оказались здесь... Кстати, вы говорите – купец. А чем именно вы занимаетесь?

– Скажем так, я зять видного промышленника Игнатьева.

– А его дочь является единственной наследницей и весьма своеобразной особой, одна из немногих студенток нашего университета. Пусть она обучается и не на моем факультете, я достаточно хорошо ее знаю, чтобы быть уверенным в том, что эта девица не вышла бы замуж за «зятя Игнатьева».

– Все верно. Быть зятем крупного промышленника мне не улыбается. Но чем вас может заинтересовать Пастухов, купец-золотопромышленник? А Игнатьев – это, в первую очередь, огромное количество автомобильных шин, на изготовление которых требуется неприлично много каучука.

– Хм. Признаться, вы правы. Это первое, что пришло мне на ум. Итак, вы здесь по поручению Игнатьева, – сделал вывод Лебедев.

– Вы же только что сказали, что Александра Витальевна никогда не вышла бы за «зятя Игнатьева». Я здесь, Сергей Васильевич, потому что сам так решил. И поверьте, у меня вполне достанет средств, чтобы делать предложения от своего имени. – Говоря это, Петр не в последнюю очередь имел в виду все еще нетронутое приданое Александры.

Он просто не представлял, куда можно вложить полученные за женой средства. Петр мог работать сам и, соответственно, вкладывать в свой труд. А вот заставить работать деньги... Это явно не к нему. Поэтому приданое лежит мертвым грузом. Ну не назвать же оборотом скромные проценты, капающие в банке.

– Итак, вы готовы вложиться в мое открытие? – слегка вздернув бровь, спросил Лебедев.

– Именно.

– И на какую сумму я могу рассчитывать?

– Сергей Васильевич, не бойтесь показаться нескромным, – одарив профессора лучезарной улыбкой, подбодрил Петр.

¹ Лебедев Сергей Васильевич – русский, советский химик, впервые в мире получил синтетический каучук осенью 1925 года. В 1931 году в СССР был запущен завод по производству синтетического каучука. – *Здесь и далее примеч. авт.*

– Потребуется новая просторная лаборатория, оборудованная по последнему слову науки, и, я не побоюсь этого слова, целый опытный завод.

– Мне нравится ваш подход. Совершенно не скромный. Что еще?

– Я и только я буду руководить, планировать и определять направление научных изысканий. То же самое относится и к заводу. Разумеется, это вчерне. И если на данный момент вас все устраивает, нас ожидает самое интересное. Детали.

– Вчерне принимается, – без раздумий тут же ответил Петр. – Что касается деталей, надеюсь получить их в письменной форме и в развернутом виде.

– Разумеется.

– Теперь мои условия. И также вчерне.

– Бесплатный сыр только в мышеловке? Не так ли? – подмигнул профессор.

А что, настроение у него хорошее. Просто великолепное. Еще бы. Не успел добиться первого, пусть и значимого результата, как тут же появился тот, кто готов серьезно вложиться в его открытие. Что же касается выдвигаемых условий... А почему их не должно быть, коль скоро Пастухов вкладывает в дело серьезные средства? А мелочью тут не обойтись.

– Вы сегодня же поспособствуете тому, что распространится слух о некотором преувеличении полученных результатов ваших изысканий, – начал говорить Петр. – И ваши помощники должны будут не напрямую, а опосредованно подтвердить сей факт. С этого момента ваша работа засекречивается. Наружу больше не должно просочиться ни капли правдивой информации. Мы отдельно обговорим вознаграждение за соблюдение секретности.

– Вот, значит, как?

– Именно так, Сергей Васильевич. Есть такое понятие, как коммерческая тайна. Я намерен заработать на вашем открытии сам и позволить сделать это вам. И если вы согласны, то уже сегодня к вам прибудет мой помощник по вопросам безопасности. С ним вы оговорите первоочередные мероприятия. Итак?

– Хорошо. Присылайте вашего человека. До семи вечера я в университете. Потом буду дома.

– Он навестит вас еще в университете.

– Хорошо. Это все? – взглянув на свои карманные часы, уточнил Лебедев.

– Пока да.

– Тогда прошу меня простить, у меня через десять минут лекция, и мне нужно еще подготовиться.

– Конечно-конечно. До свидания, Сергей Васильевич.

– До свидания.

Петр отодвинул засов и вышел на галерею, столкнувшись сразу с четырьмя студентами, тут же хлынувшими в открывшуюся дверь. Бардак. И как только профессор умудряется работать с такой организацией? Интересно, в лаборатории у него так же? Нет, это вряд ли. А в отношении студентов... Вероятно, их учитель не хочет давать им по рукам излишней дисциплиной.

Хм. Ну, если у них все же сладится, то вопрос о дисциплине Лебедеву все же придется пересмотреть. Нет, понятно, творческие натуры и все такое. Но лаборатория и завод будут режимными объектами. Хотя бы потому, что производством одного только каучука не обойдется.

Да взять хотя бы маслостойкую резину для сальников. Вот так просто ее не получишь. Тут еще мозгами покорпеть придется. А конечный продукт очень даже заинтересует машиностроителей. Причем в самом широком смысле этого слова.

Вот так. Тому, что закладывалось сейчас, прочилось большое будущее. Можно сказать, целое направление в науке. И кто-кто, а Лебедев это прекрасно понимал. Поэтому Петр был уверен, что тот примет все условия целиком и без остатка. Просто сомнительно, чтобы кто-то

еще, кроме Пастухова, был готов на столь щедрое финансирование. И профессор лишний раз убедится в этом, как только представит ему смету.

Еще утром Пастухов пребывал в уверенности, что все же сумеет обойтись собственными средствами. Теперь же от этой убежденности не осталось и следа. Он сильно подозревал, что средств не хватит, даже с учетом приданого жены. Вот как все круто изменилось за какие-то неполные пару часов.

– Петр Викторович, ну наконец-то я вас нашел!

– Сергей Кириллович? – Пастухов с нескрываемым удивлением смотрел на Акимова, стоявшего у основания лестницы.

Интересно, что случилось? Тем более что они не так давно разговаривали по телефону и сыщик не выказывал никакого волнения. А теперь... По его виду не скажешь, что случилось нечто из ряда вон, но все же что-то происходит.

– Петр Викторович, Александра Витальевна...

– Что с ней? – У Петра все внутри похолодело.

– Да господи, все в порядке. Ну, в смысле... В общем, у нее начались схватки. Доктор и Виталий Юрьевич уже у вас дома. Насколько мне известно, все развивается именно так, как и должно быть. Ну, разве только вас там нет.

– Когда?

– Три часа назад. Я думал, что вы уже в курсе, – выставив перед собой руки в протестующем жесте, поспешил пресечь возмущения незадачливого папаши Акимов. – Когда же сообразил, что это не так, вы уже умчались, и приказчик в кафе не успел вас остановить.

– Так. Ладно. Мне надо домой, – растерянно произнес Петр.

– Давно пора, – подтвердил Акимов.

– А для тебя есть работенка. Здесь, в университете.

Петр наскоро ввел начальника безопасности в курс дела и, убедившись, что тот все понял, поспешил к своему «Руссо-Балту». Ч-черт! Прости господи! А-а-а, к ляду! Он сегодня станет отцом! Бегом, бегом отсюда. Домой, йедрить твою в качель!

В отличие от своего тестя, Петр предпочитал проживать за городом. Поэтому и небольшую усадьбу поставил даже не в Петрограде, а на окраине городка Колпино, в котором проживало меньше двадцати тысяч человек. Неподалеку заложили и завод. Это было продиктовано вопросами безопасности. Все же небольшой городок, где все на виду. Так куда спокойнее, тем более когда бояться приходится не столько за себя, сколько за своих близких.

Вот только столь удачное, по мнению Петра, расположение подразумевало и некие неудобства. В частности, от центра Петрограда, где он сейчас находился, до его дома было порядка тридцати километров. А это при всем желании никак не меньше часа езды. Если еще и не больше.

Нет, дело вовсе не в пробках. О них в этом мире пока еще слухом не слыхивали. Так, небольшие заторы на дорогах, которые можно без труда объехать по соседним улицам. Но ведь и с правилами дорожного движения пока еще полный швах. Поэтому под колеса могут выбежать не только вездесущие дворняжки, но также дети и даже вполне себе почтенные граждане. А тут еще и почти бесшумность парового авто. Вот и приходится ездить с крайней осторожностью.

Едва выбравшись на Московский тракт, Петр тут же вдавил педаль акселератора и буквально помчался по дороге. Вообще-то грейдер не больно-то подходит для гонок. Но бронированный «Руссо-Балт» был достаточно тяжел, чтобы не подпрыгивать на каждой неровности. Да и следили за этой дорогой куда лучше, чем за другими. Все же ниточка, протянувшаяся между Старой и Северной столицами. Вот и летел Петр, торопясь к жене, только шлейф пыли за спиной.

При въезде в Колпино скорость пришлось все же сбавить. И дело тут не столько в том, что кто-то может угодить под колеса. Это не мощные мостовые столпицы – даже при небольшой скорости по улицам городка поднимается изрядное количество пыли. А уж стоит придавить педаль акселератора...

Проехав город насквозь, Петр свернул влево, в сторону Невы, на недавно появившуюся дорогу. Еще через полверсты на развилке снова ушел влево. Эта ветка вела к усадьбе. Вторая – к строящемуся заводу. По дороге Петр разминулся с парой грузовиков и один обогнал. Строительство идет согласно графику и пока еще не завершено.

Если все сладится как надо, то неподалеку от этого завода появится и каучуковый, вместе с лабораторией. Места в избытке. Петру при содействии тестя удалось выкупить изрядный надел, с учетом будущего роста производства. Уже сейчас он собирался наладить выпуск двух видов двигателей и двух же марок автомашин. Грузовики с дизельными двигателями, и легковые автомобили – с бензиновыми.

КАЗы, грузовики Колпинского автомобильного завода, должны были поставяться в компанию по грузоперевозкам. Принадлежать она будет, разумеется, Петру и обслуживать московское направление с ответвлениями. Под это дело планируется и постройка нескольких заправочных станций.

«Чайка» – легковой автомобиль – составит конкуренцию тому самому «Прохору» заводчика Зотова. Не захотел тот, чтобы его автомобили выкупались и оснащались новыми двигателями, и не надо. Теперь придется драться с конкурентом. Именно поэтому Петр и затеял кампанию в Государственной Думе по принятию поправок.

Оба этих направления он наметил в целях рекламы. Производство автомобилей только под собственные нужды – это тупик. Даже если восемьдесят процентов деталей и комплектующих будут закупаться на заводах Игнатьева, этот путь никуда не приведет и не принесет прибыли.

В первую очередь Петр хотел привлечь внимание к двигателям внутреннего сгорания. Заинтересовать новинкой потребителя, а уже через него – промышленников. Ведь мало того, что эти двигатели работают на дешевом топливе, так ведь даже при этом отличаются от паровых машин несомненной экономией.

А вот что касается каучука, то тут никакого риска. Здесь выиграет тот, кто будет первым. Этому миру хоть с дэвээсами, хоть с паровиками сколько не дай резины, все будет мало. Так что Лебедев – это его удача. Он же, Петр, – удача профессора. Ну где тот еще сможет сразу же получить столь щедрое финансирование?

Государство? Пока оно почешется, рак на горе свистнет. Промышленники? Эти не станут спешить, пока реально не убедятся, что это не очередная утка. Петр же знал точно, что синтетический каучук – это не сказки про белого бычка.

Нет, конечно, стопроцентной уверенности в том, что Лебедев действительно добился успеха, нет. Но ведь пока ничего не подписано, и убедиться в достоверности информации время еще есть. А вот ковать железо нужно, пока горячо.

Едва въехал на территорию усадьбы, как покрывки тут же зашуршали по асфальту. Это дорожное покрытие – пока еще достаточно редкое явление. В столицах и губернских городах улицы уже асфальтируют, но даже там площадь асфальтированных дорог достаточно скромная. Но владельцы частных усадеб не скупятся на новинку. Как и некоторые промышленники, стремящиеся избавиться от извечной грязи на территории своих заводов.

Обогнув двор по дуге подъездной дорожки, Петр свернул к навесу. Там уже стояли два «Руссо-Балта». Один принадлежал жене, второй тестю. Вот так вот. Игнатьев – владелец крупнейшего автомобильного завода России, а все его близкие раскатывают на изделиях совершенно другой марки. Ну да, о том, кто именно специализируется на бронированных лиму-

знах, уже говорилось. А что делать? Сбрасывать со счетов клятый тайный клуб никто не собирался.

Александра, конечно, во многом поумерила свой пыл в плане эмансипации, но все же до конца позиции не уступила. В частности, настояла на приобретении для нее личного автомобиля. И собственноручно им управляла. Двое телохранителей при ней были только охраной и не более. Конечно, ее несколько тяготило постоянное присутствие двух амбалов, но все же доставало здравого смысла не усложнять жизнь ни себе, ни им.

Игнатьев, которому случалось кататься и с компаньонами, предпочитал держать задние сиденья свободными. Поэтому двое охранников занимали передние. Ну и, соответственно, один из них выполнял функции водителя.

Вот так они и живут. Можно сказать, на осадном положении. Территория усадьбы выгорожена высоким забором и охраняется четырьмя круглосуточными постами. Все деревья вокруг вырублены под корень на расстоянии полукилометра. Так чтобы ни одна зараза.

Вообще-то благодаря гангстерским войнам в Америке сейчас балом правит «томпсон». Киллеры устраивают целые побоища с грохотом и канонадой. Об убийствах посредством одного стрелка и единственного выстрела Петр пока не слышал. И все же предпочитал перестраховаться. На строительстве Транссиба он уже убедился, насколько местные эффективно могут использовать снайперов. Так что – чистое поле. А чтобы все выглядело не так страшно, насажали полевых цветов. И вокруг получились отличные и свободно просматриваемые луга.

– Как тут? – едва войдя в гостиную и заметив тестя с рюмкой в руке, спросил Петр.

– Никак. Не разрешилась еще, – огрызнулся Игнатьев, опрокидывая в себя коньяк.

Нет, отношения у них самые что ни на есть хорошие. Было дело, конечно, Игнатьев встал на дыбы, не желая получать зятя вместе с теми проблемами, что тот нес на своем загривке. Историю с тайным клубом промышленников Виталий Юрьевич воспринял со всей серьезностью. И уж тем более после публикации в прессе целого ряда разоблачительных статей.

Опять же, затеял самое детальное расследование по факту гибели Верховцева, с которым некогда работала его дочь. Полученные выводы заводчика не обрадовали. И это мягко сказано. Он попытался встать стеной между дочерью и Петром. Сам Петр, несмотря на принятое в больнице решение, также решил дистанцироваться от Александры. Но ни отец, ни жених не смогли противостоять натиску девушки, сметающей препятствия на своем пути почище любого бульдозера.

Впрочем, на ее стороне было неоспоримое преимущество. Петр все же любил ее и по настоящему сопротивляться не мог. Эта же болевая точка имела и у Игнатьева. Так что мужчинам пришлось переглянуться и, пожав друг другу руки, заключить союз, как деловой, так и семейный. Ну и единым фронтом выступить против клятых врагов. А то как же.

Петр подошел к столу и, взяв бутылку с шутовским коньком, наполнил рюмку. Потом посмотрел на Игнатьева. Виталий Юрьевич обреченно махнул рукой и подставил свою рюмку.

– Господи, пронеси, – выдохнул тесть.

Петр поддержал короткий тост энергичным кивком. Чокнулись. Выпили. В закуске не было никакой необходимости. Коньяк провалился, как вода. Но Петр все же взял ломтик лимона с сахаром и молотым кофе. Больше по привычке. Потому что нравившегося ему вкуса так и не ощутил. Пить он не любил. Но вот так, когда чувствуется и букет, и особый аромат... Только сейчас вкусовые рецепторы отчего-то не работали.

Наконец в гостиной появился пухленький дядька с круглым, румяным и добродушным лицом. На мясистом носу – пенсне. На голове – изрядная залысина, остатки же волос коротко острижены. Пиджака нет, только жилетка с цепочкой от покоящихся в кармашке часов. Рукава белой рубашки закатаны. Петр неосознанно посмотрел на них, подспудно пытаясь обнаружить следы крови и с облегчением не замечая ничего подобного.

Семейный доктор Игнатьевых прошел к столику и без обиняков наполнил рюмку коньяком. Потом разом опрокинул ее в себя. Занюхал кулаком. Крякнул. Словно и не благородный напиток выпил, а закинулся ядреным деревенским самогоном. Впрочем, коньяк – крепкая штука, и если пить его вот так, то удовольствия не доставляет.

– Ну?! – разом выпалили Петр и Виталий Юрьевич.

– Замучили меня разбойницы, – наконец выдохнул доктор.

Повисла пауза.

– Ну чего смотрите на меня? Девка у вас. И, похоже, удалась в мамку. Такая же упрямая. Никак не хотела выбираться из теплой утробы.

– А Сашенька?.. – нервно сглотнув, выдавил из себя Петр, которому не понравились слова доктора.

– Помучилась, сердешная. Но Господь милостив. В принципе я уже могу ехать. Но, пожалуйста, побуду до завтрашнего утра. Так мне спокойней, да и вам тоже.

– И это правильно, Иван Порфирьевич, – тут же облегчено защебетал Игнатьев. – Опять же, что толку с этого недоросля? А мы с вами друг друга знаем хорошо и уже давно. Посидим по-стариковски. Эка, видишь, теперь вот и я дедом стал. А там и Дмитрий Ильич подтянется. С делами уж должен был управиться.

– Да-а, давненько мы вместе не сживали, – авторитетно согласился доктор. – Вы куда, молодой человек? – вдруг резко окликнул он дернувшегося было Петра.

– Туда, – кивнув головой, ответил Пастухов.

– Нечего вам там делать. Умаялись они обе. Спят. Вот проснутся, тогда вас и позовут.

– Вот так, Петр. А ты думаешь, мне не хочется? – крякнул Игнатьев, а потом махнул рукой: – А ну-ка, молодой, наливай. Может, хоть сейчас вкусом коньячка насладимся.

Глава 2

Ход конем

– Мистер Дайсон. – Мужчина поднялся со стула, приветствуя вошедшего хозяина кабинета.

Тот был преклонного возраста, если не сказать старый. Даже на вид ему можно дать около восьмидесяти. Правда, дряхлости нет и в помине. Эдакий живчик, еще достаточно крепкий, чтобы пройти на охоте пешком дюжину миль и не упасть обессиленным в конце столь знаменательного приключения.

И это не фигура речи, потому что мистер Дайсон был заядлым охотником. Трофеи со всего света украшали его кабинет в виде полноценных чучел и голов на стенах. Не обделял он своим вниманием и леса доброй старушки Англии. Впрочем, справедливости ради нужно заметить, что в Англии он в основном и охотился. Уж слишком много у него было дел на этом острове.

Гость, ожидавший мистера Дайсона, был среднего роста, среднего сложения, и даже внешность у него была какой-то средней и невыразительной. Такого никогда не заметишь, взгляд сам собой скользнет мимо, потому что там не на чем задерживаться. Разве что глаза выдавали человека умного и незаурядного. Впрочем, в иной обстановке он и взгляду умел придавать блеклую неприметность. Ту самую усредненность. Но здесь это стало бы лишним.

– Сиди, Эдвард, сиди, – добродушно, и даже где-то по-отечески махнул рукой старик.

– Благодарю, мистер Дайсон, – с легким кивком, обозначающим поклон, ответил мужчина, тем не менее оставшись на ногах.

Он присел только после того, как хозяин кабинета обошел большой стол и опустился в кожаное кресло, придававшее своему владельцу величие. Хм. Вообще-то этот старик и был по своему велик. Мало нашлось бы людей в мире, способных похвастаться таким же влиянием, как мистер Дайсон.

В тысяча восемьсот шестидесятом году Джеймс Дайсон построил свою первую компактную паровую машину. Это было ровно шестьдесят пять лет назад. За минувшее время прогресс шагнул далеко вперед. Что во многом стало возможным благодаря изобретениям именно этого, все еще крепкого старика.

Однако мистер Дайсон не остановился. Он сумел сплотить вокруг себя видных промышленников со всего света и создать некий тайный клуб. Его деятельность не прекращалась ни на мгновение, несмотря на начавшуюся мировую мясорубку. Не стало помехой и то, что члены клуба являлись представителями противоборствующих сторон.

Кто-то сказал бы, что они-то и есть те самые серые кардиналы, развязавшие настоящую бойню. И был бы неправ. Они, конечно, имели вес и авторитет в правительственных кругах своих стран. Но не настолько, чтобы диктовать им собственную волю. Более того, будучи членами одного клуба и состоя вроде как в добрых отношениях между собой, они не обменивались технологиями. Их продукция вела самую настоящую конкурентную борьбу на полях сражения.

И да – они хорошо погрели руки на людской крови и страданиях. Как говорится, кому война, а кому и мать родная. Членство же в клубе являлось некоей гарантией, на случай если ты окажешься в стане проигравшей стороны. Во многом именно благодаря членству в клубе крупные промышленные предприятия Германии, Италии и переставшей существовать Австро-Венгрии практически не понесли ущерба. Нет, понятно, что потери были. Но относительно того, что могло быть, члены клуба, можно сказать, отделались легким испугом.

– Итак, Эдвард, ты можешь доложить о ситуации в России? – наконец устроившись за столом, спросил старик.

– В общем и целом, несмотря на нападки газетчиков, ситуация в Российской империи находится под контролем. Разумеется, за исключением этого купца Пастухова и его инженера Кессениха.

– Хочешь надеть мне розовые очки? – вздернул бровь мистер Дайсон.

– Ни в коей мере. В настоящий момент им, конечно, удалось построить завод, где они намереваются наладить производство бензиновых и соляровых двигателей, но по большому счету это не имеет значения. Без особой агрессии и нападок нанятым нами газетчикам удастся выливать достаточно грязи на двигатели Кессениха, чтобы у тех не было сбыта. Пастухов изрядно вложил в строительство завода и подготовку кадров. Так что даже подпитка в виде золотого прииска вскоре ему уже не поможет. Игнатьев, разумеется, предоставил своей дочери приданое, но сам уверенности в задумке зятя не испытывает и устанавливать новый двигатель на свои автомобили не спешит. Да ему и не позволит это сделать военное министерство, его основной заказчик.

– Но гражданский сектор остается свободным от военных обязательств Игнатьева.

– Это так.

– И в России имеются богатые месторождения грозненской и бакинской нефти. Так что недостатка в жидком топливе они испытывать не будут.

Если в европейских странах позиции машин на твердом топливе были достаточно прочны, то Россия и Америка в этом плане представляли собой серьезную проблему. Наличие больших запасов, по-настоящему дешевого, если не сказать бросового, топлива могло способствовать укреплению позиций новых двигателей.

– Не все так просто, мистер Дайсон. Военные во всем мире одинаковы и мыслят достаточно консервативно даже в военное время, а уж в мирное и подавно. Они исходят из той простой позиции, что паровые машины универсальны и работают на любом топливе – нефть, уголь, торф, дрова. Новые же двигатели потребуют только жидкого топлива, и армия будет зависеть от его бесперебойных поставок. А это крайне неудобно. Так что с этой стороны опасности никакой нет. В гражданском же секторе Пастухову и Кессениху предстоит преодолеть стойкое предубеждение покупателей против таких двигателей. Чрезвычайно сложная задача. Практически невыполнимая. Ведь, помимо самих автомобилей, нужна еще и инфраструктура. А ее без сбыта и прибылей не наладить. Словом, эта их затея – прямой путь к банкротству.

– Но Пастухов на что-то надеется, – скорее утверждая, чем спрашивая, произнес Дайсон.

– Да. Все говорит именно об этом. Он собирается наладить выпуск своих автомобилей на базе продукции Игнатьева. Рассчитывает заинтересовать гражданский рынок. Но, как я уже говорил, реализация практически нереальна. К тому же наши репортеры не дремлют и постоянно подогревают негативное отношение к новым двигателям. Жаль, мы не успели ввести Игнатьева в клуб. Тогда все было бы куда проще. Сейчас же это уже невозможно.

– Отчего так?

– Он теперь совершенно точно знает, что некий русский инженер Верховцев погиб вовсе не случайно и не от взрыва своего же детища. А единственная дочь Игнатьева была помощницей этого инженера. То есть могла также погибнуть.

– Но ведь не погибла же, – с недоумением вскинул брови старик.

– Эти русские – весьма странный народ. Они предпочитают не рациональный подход, а эмоциональный. Она могла пострадать от наших рук, и для Игнатьева этим все сказано. Воздействовать на него мы не можем. Во-первых, он настороже и обложился охраной. Во-вторых, его плотно опекает русская контрразведка. А они, в свою очередь, как и их коллеги во всех лидирующих странах, сейчас слишком взвинчены.

– И ты говоришь, что ситуация в России под контролем? Там вот-вот будет налажено производство новых двигателей, и даже автомобилей, оснащенных ими! Но тебя куда больше занимает ситуация в других странах.

– Мистер Дайсон, как я уже говорил, при минимальном воздействии с нашей стороны эта сладкая парочка, Пастухов и Кессених, сами разорятся. У Игнатьева настоящее звериное чутье на перспективные проекты, и он дистанцировался от своего зятя, не желая влезать в его дела. Он даже комплектующие будет продавать по обычным ценам, без скидок. И коль скоро в это дело не захотел ввязываться даже тесть Пастухова... Тут, главное, не мешать, и огонь прогорит сам собой.

– Думаешь? – вновь усомнился старик.

– Я в этом уверен, мистер Дайсон. Как и в том, что их разорение станет самым лучшим подтверждением бесперспективности данных двигателей. Если исключить этих двоих, иной активности в данном направлении у русских не выявлено. Как я и говорил, в России мы все держим под контролем.

– И все же, по-моему, ты должен действовать радикально, – поджав губы, высказался Дайсон.

– Раньше вы хотели, чтобы Пастухова доставили для личной встречи.

– И это стоило нам двух групп в России. Хватит игр. Просто убейте их.

– Не думаю, что это правильно. Даже если Пастухов сейчас самолично застрелится или разобьется насмерть при большом стечении народа, газетчики вновь поднимут визг на весь свет. Понимаю, гибель русских не больно-то трогает европейскую общественность, но ведь с этим русским купцом немецкий инженер. Тем более что мы доподлинно знаем, кто именно дирижирует оркестром репортеров. Как и о том, что с их гибелью механизм продолжит работать. А посему мы создадим новых мучеников и подольем масла в огонь.

– Ну и пусть. Плевать. Этих двоих нужно убрать.

– Мистер Дайсон, убить этого Пастухова будет не особо просто. Это пуганый воробей. Или даже лис с острыми клыками, не стесняющийся пустить их в дело. И яркое этому подтверждение – ликвидация двух наших групп на русском направлении. Это если забыть о том, что он является зятем Игнатьева. Признаться, у меня нет желания вешать нам на спину русскую разведку. Война многому научила русских. Нам же в любом случае не тягаться с государством.

– И что ты предлагаешь?

– Дадим им год. За это время их идея должна прогореть. Если нет, к тому моменту позиции новой группы усилятся, наши люди сумеют подготовить взвешенный удар. К тому же нам удастся значительно сбавить накал страстей в прессе.

– Значит, выждать?

– Но не сидеть при этом сложа руки, – уточнил Эдвард Аттвуд.

Дайсон открыл коробку с сигарами, взял одну из них и откинулся на спинку кресла. Нет, он не курил. И уже давно. Причем он бросил курить не по рекомендациям врачей, а просто потому, что сам так решил. Но никак не мог отделаться от привычки нюхать сигары. Да и не хотел по большому счету. Поэтому сигары в его кабинете меняли с завидной регулярностью, чтобы они не выветривались и хранили в себе терпкий запах табака.

Вот и сейчас мистер Дайсон с наслаждением втянул носом сигарный аромат, всем своим видом давая понять, что Аттвуда внимательно слушают и он может продолжать. На самом деле в настоящий момент хозяин кабинета как бы разделился. Одна его часть слушала помощника. Вторая обдумывала другой вопрос.

– Признаться, меня куда больше волнуют американцы, – между тем продолжал Аттвуд. – Если у русских есть только нефть и парочка изобретателей, построивших новый двигатель, то в Америке хватает как нефти, так и мозгов. Умники со всего света стекаются за океан сплошным потоком. Причем каждым из них владеет навязчивая идея непременно добиться успеха. Разумеется, правительство САСШ им не оказывает поддержки, но и не мешает. Для финансирования там хватает пронырливых и дальновидных толстосумов. Вот где работы более чем достаточно. Пусть позиции нашего клуба там и сильны как никогда.

– Европейские страны? – возвращая сигару в шкатулку, с задумчивым видом спросил мистер Дайсон.

– Опасения вызывают только Франция и Германия. Остальные в руинах, – пожал плечами Аттвуд.

– Отсюда я делаю вывод, что тебе нужно за океан.

– Слава богу, у нас теперь есть Трансатлантические авиалинии. Дирижабль домчит меня до Америки всего за три дня.

– Н-да. Трансатлантические линии – это замечательно. Но тебе, пожалуй, больше подойдет Трансьевроазиатская авиалиния, – вновь откидываясь на спинку кресла и скрещивая пальцы на животе, произнес мистер Дайсон.

– Но... – Аттвуд в недоумении посмотрел на своего босса.

– Не понимаешь?

– Нет. Я понял, что вы настаиваете на сосредоточении усилий в России. Но не понимаю, при чем тут именно Трансьевроазиатская авиалиния.

Год назад таковая была открыта. И пусть рейсы отправлялись только раз в неделю, всем было понятно, что это только начало. Русский Дальний Восток постепенно набирал силу и становился все более и более привлекательным. И теперь до Владивостока можно было добраться прямо из Парижа.

– И потом, – продолжил Аттвуд, – мне показалось, что вы признали правильность моих выводов.

– Признаться, Эдвард, от тебя я ожидал большей проницательности. Пойми, в Америке, конечно, сосредоточено много мозгов, и они готовы на все, чтобы добиться успеха. Но они только пытаются что-то создать. В России умников пока всего двое, но они уже построили свой двигатель. И если из известного нам хотя бы половина – правда... Конечно, шансы, что эти двое прогорят, довольно велики. Но мне не хотелось бы рисковать. Насколько я помню, этот самый Пастухов – весьма занимательная личность и успел обзавестись целым ворохом врагов. В том числе и в среде уголовников.

– То есть вы считаете, что мне необходимо отправиться в Сибирь и разыскать тех самых бандитов, с которыми у Пастухова серьезный конфликт? Обеспечить их бегство и натравить на него?..

– Именно.

– Только, боюсь, для начала мне придется сделать остановку в Петрограде. Во-первых, нужно разыскать следы этих каторжан. А во-вторых, начать кампанию в прессе в отношении Пастухова. Надо напомнить обывателям о том, что этот индивид успел поссориться с целой прорвой решительно настроенных людей.

– Вот теперь я вижу, что не зря остановил свой выбор именно на тебе, – удовлетворенно произнес старик.

– И все же, мистер Дайсон, я по-прежнему убежден, что самое лучшее наше действие – это предоставить возможность этим двоим прогореть самим.

– Ты можешь быть убежден в чем угодно. Но сделаешь то, что говорю я. И сделаешь со всем прилежанием, – жестко сказал хозяин кабинета. – И коль скоро мы не можем атаковать напрямую, мы сделаем эдакий ход конем. Ты все понял?

– Разумеется, – коротко кивнул Аттвуд.

После ухода своего главного помощника мистер Дайсон разложил перед собой бумаги и приступил к работе. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал удерживать бразды правления компании в своих руках. Сыновья, само собой, также принимали участие в работе. Более того, случись с Дайсоном несчастье прямо сейчас, и он ничуть не сомневался, что парни подхватят семейное дело и компания продолжит работать, словно и не произошло смены руководства.

Джеймс Дайсон положил много сил на то, чтобы не просто воспитать достойных сыновей, но и чтобы оба они прекрасно дополняли друг друга. Чтобы даже помыслить не могли о предательстве. Они всегда должны были оставаться одним целым. И, похоже, ему удалось добиться своего.

Но сидеть просто так? Нет, он не мог себе этого позволить. Если бы он находил удовольствие в садоводстве или огородничестве, быть может, и занялся бы грядками и клумбами. Но тяги к этому у Дайсона нет. Вместо этого он предпочитал работать с железом, создавая все новые и новые машины и механизмы. Именно в этом он находил искреннюю радость.

Казалось бы, есть пост председателя тайного клуба промышленников, отнимающий немало сил, нервов и времени. И не сказать, что Дайсон хотел бы оставить это кресло. Но настоящее удовлетворение он все же испытывал только тогда, когда творил.

Дверь открылась, и в кабинет вошел вышколенный дворецкий. Не произнеся ни слова, он положил на угол большого стола, оббитого зеленым сукном, блестящий поднос с корреспонденцией. Коротко поклонился. И все так же молча вышел.

Мистер Дайсон еще какое-то время работал с бумагами. Потом наконец протянул руку к корреспонденции. Для начала просмотрел газеты. Ничего интересного. Обычное дело: одни репортеры обличают тайный клуб, другие откровенно их высмеивают, требуя без обиняков назвать конкретные имена. Ну, коль скоро эти обличители говорят «А», так пусть они в таком случае скажут и «Б».

Кто бы сомневался. Правдоискатели либо упрямо делают вид, что не замечают этих нападок, либо вступают в спор, неизменно придерживаясь обвиняющего тона. Но конкретных имен нет. Дайсон не сомневался, что у затеявшего эту игру Пастухова был список членов тайного клуба. Пусть не полный, но был. Его просто не могло не быть. А вот сколь-нибудь приемлемых доказательств не имелось. И если найдется хотя бы один репортер, который необдуманно назовет имя... Адвокаты буквально разорвут его на части. Впрочем, репортеры это также понимают. Вот и не лезут на рожон, несмотря на множественные провокации.

Хм. А, может, Аттвуд все же прав. Не нужно явственно мешать Пастухову самому похоронить свою перспективную идею. А она перспективная. В этом нет никаких сомнений. Разве что самую малость, исподволь продолжать сеять зерна сомнений.

Нет. Этот упертый тип не отступится. Одно то, что он русский, уже говорит о многом. Этот народ отличает подчас невероятное упорство в достижении поставленных перед собой целей. Причем даже если это будет стоить невероятных усилий и больших жертв. Да, если русские решат, что это им нужно, остановить их невозможно.

Поэтому никаких сомнений. Необходимо действовать радикально. Причем в первую очередь убирать именно Пастухова. Он наиболее опасен из-за своей непредсказуемости и упрямства. С Кессенихом потом можно будет сладить и иными путями. Он немец до мозга костей, а этих отличают рационализм и прагматизм.

В правильности своих выводов мистер Дайсон убедился этим же вечером. Он вновь находился в своем кабинете, когда получил вечернюю корреспонденцию. И там среди прочего было донесение из России. Это помощник Аттвуда старается. Напрасно. Подсидеть своего шефа у него не получится. Во всяком случае, пока Дайсон при здравом уме и твердой памяти.

Вот, значит, как. Русским ученым удалось получить синтетический каучук. Ну-ну. Молодцы. В настоящий момент открытие не было сколь-нибудь значимым. Имеющийся спрос с запасом перекрывается предложением природного каучука.

Нет, потребности в каучуке будут постоянно расти, это неоспоримо. Но ведь именно исходя из прогнозируемого роста, сейчас и закладываются все новые и новые плантации гевеи².

² Гевея – каучуконосное дерево.

Так что у синтетического каучука есть только один шанс быть востребованным – если он окажется значительно дешевле природного. А это сомнительно.

Практически сразу же поползли слухи, что успех Лебедева якобы дутый. Мол, на самом деле все совсем не так, и группа потерпела неудачу. Хм. Ну-ну. Наивная попытка отвлечь от открытия. Впрочем, о причинах происходящего мистер Дайсон узнал тут же.

Оказывается, открытием заинтересовался Пастухов. А этот молодой человек любил наводить тень на плетень. Значит, либо Лебедеву удалось открыть дешевый метод производства синтетического каучука, либо Пастухов рассмотрел в этом какой-то потенциал. А в прозорливости ему не откажешь. Он может видеть на дальнюю перспективу.

Итак, Аттвуд абсолютно прав. Пастухов и сам не верит, что может добиться успеха с двигателями внутреннего сгорания. А потому готовит площадку для отступления. Каучук – это совершенно иная ипостась. Резина – уже давно известный товар, потребность в ней год от года только растет. И в основной массе – для производства автопокрышек и камер.

И если этому Лебедеву удастся удешевить процесс получения каучука с приличным продуктом на выходе, сбыт им обеспечен. Впрочем, его может постигнуть неудача. А что? Такое случается сплошь и рядом. В любом случае это не входит в круг интересов Дайсона. Его епархия – машиностроение. А каучук... Пусть по этому поводу болит голова у кого другого.

В бараке было душно так, как бывает только в жаркую безветренную погоду, в плохо держащем тепло помещении, где проживает две сотни человек. Даже наступивший вечер не спасает ситуацию. Ничего удивительного. Потому что в безветрие это не имеет значения. Вообще-то явление на берегу Байкала достаточно редкое. Тем не менее, дела обстояли именно так, и на землю опустилась душная ночь.

В такие моменты хочется лишь одного. Прохлады и чистого воздуха. В бараке даже в холод стоит неистребимая вонь, а уж сейчас так и подавно дышать нечем. Человеку непривычному станет дурно от первого же вздоха. Помещение настолько напитано миазмами, что того и гляди богу душу отдашь.

Однако человек – такое существо, что может приспособиться к самым невыносимым условиям. Особенно если это лишенный выбора каторжанин. Так что помереть к утру от духоты никто не боялся. Тем более что отсутствие свежего воздуха и комары, которых здесь просто прорва, сейчас вовсе не были главной проблемой обитателей барака.

– Может, передумаешь, Ванюша? Вот ей-ей, так лучше будет, – покачав головой, с показной сердобольностью произнес седовласый каторжанин с густыми, обвисшими и тоже седыми усами.

Сложения он был щуплого, но не поэтому не лез в первые ряды. Есть помоложе, половчее и посильнее его. Так что незачем показывать свою молодецкую удаль. Да и доказал он уже всем и все. Об этом свидетельствовал его взгляд. Так смотрит только тот, кто ни в грош не ставит человеческую жизнь. И все о том прекрасно знали.

– Меня зовут Иван. Так мамка с батей нарекли, так в приходской книге записано, так и на могиле моей будет написано, – упрямо ответил мужчина крепкого сложения, который даже здесь умудрялся следить за своим обликом.

Вообще-то не такая уж редкость на каторге. Тот же старик вполне ухожен, одет чисто и опрятно. Тут ведь все от человека зависит. Ну, порой и от того, кем этот человек является. И воспитание тут ни при чем. Потому как среди каторжан хватает народа из мещан, купцов и дворян.

Несмотря на прежний образ жизни и образованность, среди них нередко самые настоящие чушки. И дело вовсе не в том, что они вдруг разучились за собой следить. Их попросту сломали, загнали на самое дно. И лишь по той причине, что они оказались не в состоянии за себя постоять. Или были недостаточно пронырливыми, чтобы найти себе покровителя.

Стоявший перед четверыми быками мужчина за себя постоять мог и пользовался определенным авторитетом, а потому и выглядел, как и подобает уважающему себя урке. Впрочем, от урки в его облике было мало. Да что там – вообще не было ничего. Он отличался от них всем. Одеждой, повадками, речью. И казался инородным в этом месте.

– Глупый ты человек, Ванюша. Ну чего артачишься? Иль жизнь не дорога?

– Отчего же. Жизнь – она всем мила. Да только ведь и жить можно по-разному. Можно человеком, а можно под шконкой, как тварь дрожащая.

– А тебе, значит, так не может быть?

– Не может, Крапива.

– Вот дурья твоя башка. Ить сломать любого можно. Гляди, озлоблюсь, и станешь ты Валентиной, и задом станешь вилять, как дворняга хвостом.

– Это да. Сломать любого можно. Но только не того, кто сдохнуть готов. Я готов. А вы, ребятки? Готовы ли? – переведя взгляд на быков, поинтересовался Иван.

– Врё-ошь, Ванюша. Те, кому жизнь не мила, до каторги не доходят.

– А я разве сказал, что мне жизнь не мила? Как раз наоборот. Жить я хочу, и жить красиво. Но скажи, Крапива, если тебе дадут в руки кайло, ты станешь работать? Ведь нет. А все потому, что выбор у тебя невелик. Ведь возмись ты за кайло, и уважения к тебе не станет. А без него тебе и жизнь не мила, потому как, кроме отношения к тебе людей, у тебя ничего своего и нет. И незачем тебе жить, кроме как для этого самого уважения. Вот и мне дерьмом жить незачем. Но и за так себя прирезать не дам.

Имечко у него что надо. Иваном зовут. А Иваны в криминальном мире – это авторитеты. Ну и какой блатной позволит тебе незаслуженно так называться? То-то и оно. Ни один уважающий себя Иван не потерпит рядом с собой тезку, будь тот хоть трижды деловой. Нет, если в силах отстоять звание, если есть те, кто тебя поддержит, то разговор иной. А вот так, под дурачка... Шалишь.

Иван на каторге уже почти два года, а потому, разумеется, об этом знал. Просто на эту каторгу, расположенную на строительстве Кругобайкальской железной дороги, он прибыл только сегодня. Вечерним этапом. Вот и вышла неувязочка. Ну а ронять себя никак нельзя. Потом не возрадуешься. Потому и приходилось идти по лезвию.

А все оттого, что в преступном мире сейчас шла ломка, и устанавливался новый порядок, который продвигало абсолютное большинство авторитетов. И они звались уже не Иванами, а Ворами. Зарождался воровской закон. Причем требования предъявлялись не только к низшему звену. Как раз наоборот, Вору сами себя во многом ограничивали и устанавливали серьезные барьеры, получая взамен крупные преференции. Но самое главное – власть в воровском мире. Теперь Вору не нужно было непременно обзаводиться собственной кодлой. Потому как он для всех сидельцев – непреложный авторитет. И даже оказавшись на каторге один, никому и ничего доказывать не должен. Достаточно было обозваться, чтобы тут же получить причитающееся своему статусу положение.

Конечно, своих подручных Вору также имели, но выбирали их уже на месте. И каждый урка почитал за честь оказаться рядом с воров. Стать его помощником и правой рукой. И работал закон не только на каторге, но и на воле. Кроме этого, у новых королей преступного мира на хранении находился воровской общак.

Иное дело, что пока это были скорее только намерения. Так сказать, цель, до которой еще идти и идти. Потому как не все авторитеты были готовы принять этот самый воровской закон. Здесь, как и при любых реформах, есть и сторонники, и противники.

В иркутской каторжной тюрьме Иван звался своим именем без проблем. Просто не хотел иметь прозвище, и все тут. А вот здесь его имя подействовало, как красная тряпка на быка.

– Крапива... – подал было голос один из быков.

– Да погоди ты, Студень, – оборвал его седоусый. – Порешить всегда успеем. Вишь, человеку голову бреднями о воровском законе забили. В иркутской тюрьме Воры верховодят?

– Уж полгода как, – охотно ответил Иван.

А почему не ответить, говорить все лучше, чем резаться. Нет, понятно, что он готов, и уркам мало не покажется. Но стоит ли, если есть шанс разойтись мирно? Опять же, видно ведь, что Крапива не хочет попусту лить кровь своих людей. Оно, конечно, можно, но как бы не приветствуется. Ну кто пойдет под авторитета, который по любой причине пускает своих людей под нож?

И Иван был недалек от истины, хотя всего и не знал. А вот Крапива задумался не на шутку. От прошлой его кодлы остался только Студень. И гибель парней осталась неотмщенной. Был этот гад у них в руках, да опять ему повезло. Причем так, как везти на этом свете не должно никому. Вон Студень по сию пору, вспоминая о том, зубами скрежещет, потому как свалила его баба. И плевать, что из пистолетика. Сам факт.

Так что Крапива сейчас не заинтересован в том, чтобы вновь лилась кровь его людей. Ну что он за Иван, если по всякой нужде и без нее кладет своих людей? Но за здорово живешь пойти на попятную тоже не получится. Остается показать, что вместе с решимостью ты не лишен как рассудительности, так и чувства справедливости.

– А ты сколько уж в сидельцах? – продолжал задавать вопросы Крапива.

– Почти два года.

– И как так вышло?

– Попал в хату к Бивню, а он первым на каторге стал ратовать за воровской закон. Как узнал, что меня Иваном кличут, так сразу загорелся и настоял, чтобы я при имени своем остался.

– А ты, как я погляжу, и не возражал.

– А чего мне от имени моего отрещиваться?

– И то верно. Но вишь какое дело – в иркутской тюрьме свои законы, тут свои. Ну и что будем делать?

– Твоя правда. Неправ я, что сунулся в чужой монастырь со своим уставом. Но и ты понимание имей. Откуда мне знать, какие дела вертятся среди деловых? До этого я к вашей братии касательства не имел.

Ну а что остается? Переговоры сдвинулись с мертвой точки, пошли взаимные уступки. Иначе никак не договориться. Либо так, либо юшку пускать.

– По батюшке-то тебя как? – спросил Крапива.

– Гордеевич.

– Ну и как тебе батькино имечко? Глянется?

– Чай отец родной, – пожал плечами Иван.

– Ну так и будешь Гордеем, – подвел черту Крапива, перекрестив Ивана, как бы его и не спросив.

Обострять Иван не стал. Так – значит, так. Выдавить из сложившейся ситуации больше просто нереально. Тут ведь дело-то какое? Каторга воровской закон еще не приняла, и непонятно, примет ли. Хотя, может, так обстоит именно в этом бараке, а в остальных девяти уже давно заправляют Воры. Не в курсе он. Воспротивится Крапива новому веянию, и порешат тогда Ивана Гордеевича как миленького.

– Как батю, значит. Ну что ж, Гордеем – значит, Гордеем, – принимая авторитет Крапивы, согласился Иван.

Как ни крути, а ему еще четыре года каторги. И он собирался отсюда выбраться. Опять же, должок у него имеется, что жег душу и требовал расплаты. Нет, за Голубева мстить он не собирался. В конце концов, по-настоящему дружны они никогда не были, хотя и повязаны

накрепко. Пастухов должен будет ответить за то, что Иван сменил привычную и довольно комфортную жизнь на каторжное бытие.

– Ну что, Гордей. Проходи к нашему столу, гостем будешь. А вы чего уши развесили? – обвел Крапива взглядом попритихший народ, в большинстве своем расположившийся на нарах. – Отдохнули бы, что ли. Поди, завтра кайлом-то намашетесь.

Эти слова словно послужили сигналом, и каторжане тут же зашебуршились, слышались приглушенные разговоры, возня, едва различимая перебранка или смешки. Ну а что такого? Две сотни человек не могут усидеть молча по определению. Даже когда барак погружен в сон, абсолютной тишины нет. Тут скорее следует удивляться гробовой тишине, повисшей во время разговора Крапивы с пришлым. Вот уж когда можно было услышать, как пролетает муха.

Не обращая внимания на остальных обитателей барака, Иван, или скорее все же Гордей, прошел в дальний угол, где за столом расположился Крапива со своей кодлой. Хм. Вот и Гордею предложили вступить в ее ряды. А иначе как расценивать это приглашение? Причем не просто поговорить, а почаявничать. Впрочем, он, видимо, стал кандидатом. Его еще будут проверять. Причем жестко. Но Гордея это вполне устраивало.

Постепенно одна за другой начали гаснуть керосинки, и вскоре барак погрузился в темноту. И только в дальнем углу продолжала гореть единственная лампа. Крапива со своими подручными засиделся, попивая горячий чай. В такую жару оно, конечно, как бы и не то. Но с другой стороны, самогон и вовсе поперек глотки становился. А ложиться спать в такую рань столь авторитетным людям как-то не к лицу...

Так прошел первый вечер Гордея на новом месте, куда его перевели в связи с нехваткой рабочей силы на строительстве Кругобайкальской железной дороги. Народ погибал от несчастных случаев или под пулями снова расшалившихся японских наемников, умирал от болезней, подавался в бега. И всю эту недостачу нужно было незамедлительно восполнять. Так что на какой иной каторге людей могло быть и поменьше, но на строительстве Транссиба всегда под завязку.

В течение последующего месяца Гордей успел полностью влиться в кодлу Крапивы. Его без дураков признал своим даже Студень. Ну а как иначе-то, когда тебе спасают жизнь, уводя твою башку из-под удара топора. Нашелся один отчаявшийся, который бросился на делового. После убийства нападавшего Гордея в бараке стали сторониться. Впрочем, ему было на это плевать. Главное, выжить. И больше всего шансов на это рядом с Иваном. А Крапива там или кто иной – без разницы.

– Крапива, поди сюда, – повысив голос, позвал конвойный.

– Чего надо, господин унтер-офицер? – вразвалочку приблизившись к конвойному, поинтересовался авторитет.

Крапива говорил с вальяжностью, на грани дерзости, но все же не переступая черту. Эдак чтобы и окружающим показать свой вес, и унтера не задеть за больное. Все в пределах каторжанского этикета, выработавшегося за десятилетия.

– Тут с тобой поговорить хотят, – кивнув головой в сторону неизвестного, произнес конвойный.

– Крапива? – смерив его взглядом, уточнил пришлый.

Крапиве не понравился этот взгляд. Человек явно уверен в себе и не ставит ни в грош остальных. Во всяком случае, он для пришлого весомой фигурой не представляется. И вообще, плевать тот на него хотел, пусть каторжанин зачем-то ему и понадобился. Не понравился этот умник авторитету, чего уж там. Но также было жутко интересно, с чем этот неизвестный забрел в такую даль.

Одет в добротный костюм, на ногах хромовые сапоги, на голове котелок. Но все же не белая кость. Тут Крапива мог голову прозакладывать. Однако эти места для него в диковинку.

Это заметно по повадкам и по тому, как отчаянно он отмахивается о комаров. Солнышко спряталось за тучами, вот и повылазили кровососы, чтоб им пусто было! Но человек, привычный к этим паразитам, не борется с ними с таким остервенением, а скорее делает это с усталой ленцой.

Занятный тип, чего уж там. На боку деревянная кобура со столь популярным у путешественников маузером. Правда, в сочетании с данным костюмом оружие выглядит несколько несуразно. Впрочем, мужчина явно умеет обращаться с этим большим пистолетом.

– Ну Крапива. А тебе какое дело? – наконец снизошел до ответа Иван.

– Отойдем. Поговорить надо.

– Не могу. Того и гляди господин унтер-офицер заругается, – с издевательской ухмылкой ответил Крапива.

– Иди уж. Не выделяйся, – махнул рукой конвойный. – Чай, не дурень, себе жизнь портить.

Как видно, неизвестный хорошо ему приплатил, коли унтер столь наплевательски относится к своим обязанностям. Не сказать, конечно, что каторжные надзиратели и конвойные так уж лютуют. Но воли дают все же не особо много. А тут позволяют отойти в сторону, чтобы можно было поговорить без свидетелей. С другой стороны, вот так, прямо с работы, в побег не уходят. А что до разговоров... Ну поговорит неизвестный с Крапивой на территории каторги. В этом случае копейка обломится кому другому, только и того.

– Так чем могу быть полезен, человек прохожий? – сворачивая самокрутку, поинтересовался Крапива.

Они отошли не слишком далеко. Всего-то на пару десятков шагов. Но больше и ни к чему. Если говорить, не повышая тона, никто и не услышит. К тому же шума хватает. Кто-то кричит, другие долбят киркой, кувалдой или комлем. Словом, грохот стоит изрядный, так что расслышать разговор, даже прислушиваясь, с такого расстояния просто нереально.

– Времени у меня нет, – прихлопывая очередного комара, впившегося в его шею, произнес неизвестный. – Поэтому говорить буду кратко и прямо. Ты на волю хочешь?

– О как. Никак помилование вытребовать можешь? – даже не спрашивая, а скорее подначивая гостя, произнес Крапива.

– Могу помочь соскочить отсюда.

– А с чего это ты взял, мил человек, что я хочу уходить в побег?

– А ты Расскажи мне, как тебе тут нравится. Я же наивный, сразу тебе поверю.

– Вот и я тебе верю, аж спасу нет, как верю. Вот прямо держите меня, не то прямо сейчас соскочу. Вот как есть, голый, босой и голодный побегу в Петроград.

Крапива одарил незнакомца презрительной улыбкой и, отвернувшись, хотел уйти. Ну а о чем еще можно разговаривать с этим придурком? Вот так заявиться и предложить организовать побег. Ни с того ни с сего. Правда, и не похоже, чтобы он нуждался в премии, выписываемой каторжным конвойным и надзирателям. По его виду она для него уж больно скромная.

– Крапива, стой! – Голос незнакомца звучал твердо, если не сказать повелительно.

– Ты обороты-то сбавь, – полуобернувшись, бросил через плечо Иван. – Не то две сотни человек, и конвойные в том числе, станут клятвенно заверять следователя в том, что ты сам споткнулся и упал на перо. Эдак раз пятнадцать. Уяснил?

– Это вряд ли, – покачав головой, спокойно возразил мужчина. – Как сомнительно и то, что кто-то привлечет к ответу меня, если тебе прямо сейчас вышибут мозги. Дело-то для этих мест привычное.

– Это ты местных казачков не знаешь. Они нынче жуть как лютуют. Им же за каждую такую выходку пистон вставляют, – все же оборачиваясь полностью и невольно озирая окрестности в поисках незримого стрелка, возразил Крапива.

– Возможно. Да только они станут искать инородцев или японцев. Ну в крайнем случае – такие же каторжные рожи, как у тебя. А не приличных людей из столицы, приехавших в эти благословенные места на охоту.

– Даже так? – вздернул бровь Иван.

– А ты думал, что самый умный?

– Ну и откуда ты такой взялся? – вновь возвращаясь к диалогу, спросил Крапива.

– Я же сказал – из Петрограда, – пожал плечами неизвестный.

– А я-то тебе зачем понадобился?

– Есть человечек, который наступил на мозоль серьезным людям. Мы помогаем тебе и твоим людям уйти в побег. Взамен вы убираете неугодного нам человека. Причем вместе с семьей и его компаньоном.

– А ты часом меня ни с кем не перепутал, уважаемый? Я ить за наем душегубством не пробавляюсь.

– Ну хорошо хоть агнцем невинным не выставляешься. А то знаешь, как бывает? На человеке пробу негде ставить, а он из себя святого корчит.

– Что было, от того не отрешиваюсь. По-разному случалось. Но не за наем.

– Ну-у, этого человечка ты и так с радостью приголубишь. Иль, думаешь, я зря именно на тебя вышел?

– И кто же это?

– Пастухов Петр Викторович. Ты его все больше знаешь по кличке.

– Уж не про Купца ли ты говоришь? – расправляя плечи, скорее выплюнул, чем произнес Крапива.

– И про его жену.

– Твоя правда. И купца, и лявру его я кончу с удовольствием. Хм. Нет. Ее сначала отдам своим парням. И Студню в первую голову. Она в него три свинцовых гостинца вогнала. И за этих двоих мне платить не надо.

– Так а тебе никто платить и не собирается. Я тебе еще в подробностях расскажу, где его найти да как он хоронится. Ну а в качестве благодарности за побег и доставку в Петроград в довесок кончите и дружка его. Инженера Кессениха.

– Да не вопрос.

– Вот и договорились.

– А кто сказал, что мы договорились? – искренне удивился Крапива. – Ты, мил человек, поешь-то складно. Да как бы веры тебе пока еще нет. К чему понадобился именно я, допустим, понятно. Но вот кто поручится, что ты нас под стволы не поставишь? Сейчас среди деловых такая рубка идет, что только держись. А то, может, и сам Купец изловчился, чтобы меня порешить. Мужик он серьезный, а православный из него никудышный. Потому как прощать не умеет.

– А ты никак боишься Купца-то, – не удержавшись, хмыкнул незнакомец. – Так, может, мы не по адресу. Тогда счастливо оставаться. А то ведь мог бы уже к началу следующей недели быть в Петрограде.

– Это как это к началу следующей недели? – не понял Крапива.

– А ты думал, мы будем ждать, пока ты на своих ножках по тайге дотопаешь до столицы? Ладно, сам решай, веришь ты мне или нет. Знай одно: мне убирать его не с руки. Есть причины. Потому и готовы потратиться, чтобы вывезти отсюда и тебя, и твою кодлу. Если согласишься... Мне плевать, как ты выберешься за забор каторги. На выезде из Выдрино есть придорожный белый камень. Под ним со стороны Байкала будет схрон, в который я положу четыре нагана с запасом патронов. Надумаешь выбираться со мной, я буду ждать до утра в версте от этого камня в сторону Байкальска. Не появишься к рассвету – твои трудности.

Больше не говоря ни слова, так и не представившийся мужчина направился прочь. Только теперь Крапива обратил внимание, что тот был на грузовике. Устроился в кабине, да и тронулся себе. Отъехав сотни на две сажени, он остановился, и из леса к нему вышел другой мужчина, у которого, по всему виду, в руках была винтовка.

Вот оно, значит, как. Не блефовал, выходит, мужик. И впрямь стрелок за ними наблюдал. Сейчас-то Крапива припомнил, что гость все время стоял чуть в сторонке, чтобы не загораживать его от стрелка. Н-да. Получается, едва с костлявой разминутся.

То, что это не ловушка служащих каторги, он понял сразу. Не клеился тут никаким боком и Купец. Очень уж все заковыристо. А Купец – мужик простой и конкретный. Захотел бы, так давно уж приплатил бы тем же казакам. У него среди них знакомцев хватает. Они бы враз израсходовали кого угодно. А потом еще и сами же гонялись бы за стрелками. А такая заумь... Лишнее это, и весь сказ.

В побег уходили всей кодлой. Ну, коль скоро неизвестный грозился вывезти всех. А вот к схрону Крапива отправил одного Варнака. Если вдруг там засада... Словом, остальные успеют вернуться обратно. Или повинятся в побеге, если там уж все всполошатся. Ничего, посидят в кандалной, не впервой. Зато живы останутся.

Но Варнак вернулся с четырьмя заряженными наганам, да еще и к каждому по пачке патронов в запас. Осмотрели оружие, и даже, укутав его в тряпье, чтобы не шуметь, стрельнули разок. Исправное оружие, нормальные патроны. Получается, незнакомец ни разу не соврал. А ведь подельники сомневались в здравомыслии Крапивы. Но зато теперь смотрят на него с нескрываемой преданностью, что заметно даже в ночи.

Оно ведь как? Выбраться за пределы каторги не составляет никакого труда. Забор тут больше для порядка. Когда уходишь в бега, выйти за территорию – это самое простое. Ты поди выберись потом из этих мест. В прошлый раз Крапива со Студнем добиралась до столицы больше полугода. А тут обещают за неделю. И после наганов в схроне в это верилось легко. Чудные времена настали. Вот ей-богу!

Незнакомец оказался именно там, где и грозился быть. Ровно в версте от придорожного камня. Встречающих трое. И у каждого в руках какое-то странное оружие, которое они держали очень уж умело. Если бы Крапива получше разобрался в стволах и был в курсе новинок и моды, то без труда узнал бы американские автоматы Томпсона.

Признаться, на данный момент «томпсон» был единственным образцом подобного оружия, которое массово выпускалось для армии. Остальные страны также старались не отставать от американцев, но у них с разработкой собственных образцов пока не ладилось. Нет, недостатка в конструкторах с самыми разнообразными предложениями не было. Просто военные вели самый тщательный отбор. Поэтому «томпсон» сейчас является бесспорным лидером. Хм. Вообще-то у него и конкурентов-то нет. Разве что опытные образцы. Но назвать их конкурентами язык не поворачивается.

Беглецов встретили молча. Прежний незнакомец указал на кузов с откинутым задним бортом, приглашая занимать места. Последними влезли двое его сопровождающих. Они скромненько присели у заднего борта, пристроив на коленях свое странное оружие, будто невзначай направленное стволами в сторону пассажиров, устроившихся у переднего борта.

Сам незнакомец уселся в кабину. Практически сразу грузовик тронулся с места и, громяхая подвеской и кузовом, устремился по ночной дороге, вздымая за собой клубы пыли. Н-да. То еще удовольствие. Нет, понятно, что так они добегут до Иркутска часа за четыре, тогда как пешком, даже по дороге, им пришлось бы идти пять или шесть суток.

Но вот дышать пылью... Крапива посмотрел на незнакомцев, и только теперь сообразил, для чего те скрывали свои лица платками. А они и не скрывали вовсе. Просто знали, что им предстоит, вот и прикрылись от пыли. Урки переглянулись между собой и начали заматываться в тряпье. А что прикажете делать? Эдак ведь и задохнуться можно.

На рассвете остановились, чтобы обслужить машину. Нужно было долить в бак воды, почистить топку, потом вновь развести пары. Словом, возни хватало. Ну а пока суд да дело, беглецам предложили переодеться и поесть. А что? Совсем не лишнее после каторжных харчей. К тому же ночь выдалась нервная, а это прямой путь к хорошему аппетиту.

– Тебя часом не Иваном кличут? – окликнул Гордея давешний незнакомец.

– Слышь, за базаром следи! Здесь только один Иван, – тут же вздыбился Студень.

– Не закипай, дружище. Я к вашим деловым понятиям касательства не имею, и если говорю Иван, то подразумеваю просто имя, – улыбнувшись, примирительным тоном произнес мужчина.

– Остынь, Студень, – тут же велел Крапива, с любопытством поглядывая на новичка в своей кодле. – Ну, ответь ему, Гордей.

– А он уж слышал, как меня зовут, – пожав плечами, произнес Гордей.

– Зря ты так, Ваня, – покачал головой незнакомец, и тут же ударила короткая очередь, взбившая рубаху на груди Гордея.

Хм. Или все же Ивана. Тот как-то сразу сдулся и сложился, словно куча тряпья. Вот мгновение назад стоял сильный и уверенный в себе мужчина, и вдруг его не стало. Зато протарахтевшее оружие, способное выпускать чертову уйму пуль за короткое время, произвело должное впечатление на остальных беглецов.

Студень попытался было дернуться, но один из помощников просто повел стволом и медленно покачал головой. Мол, не дури, оно того не стоит. И впрямь не стоит. Крапива положил руку на плечо своему давнему подельнику, призывая его к благоразумию. Эдак дернешься не к месту, и тебя сразу же от души наспигуют свинцом.

– Спокойно. Это старые разборки. Он нам малость задолжал. А долги, как известно, нужно возвращать, – ровным голосом пояснил незнакомец.

– Так, может, у тебя еще к кому есть претензии? – сжимая в кармане рукоять револьвера, процедил сквозь зубы Крапива.

– Ну к чему обострять, Крапива? Он же к вам недавно прибил, и чем дышал до этого, вы толком не знаете. А по долгам нужно платить. Лучше сбросьте его в яр да заканчивайте. Ехать надо. Нас уже давно ждут.

Как и предполагалось, никто в бутылку не полез. Тело Ивана сбросили под откос. Наскоро затерли пылью кровавую лужу, и вскоре грузовик вновь загрохотал подвеской по грейдеру.

Вообще-то убивать Ивана никто не приказывал. Сидел он себе в Сибири и сидел. Ни единым словом или намеком не обмолвился о существовании тайного клуба. Вот так отсидел бы оставшиеся пять лет, да и вышел бы с чистой совестью на свободу.

Он сам себе подписал смертный приговор, когда подался в бега вместе со всеми. И опять: побежал бы он сам по себе – его дело. Но он оказался в кодле Крапивы, а того планировали натравить на Пастухова. Словом, там должна быть чисто уголовная публика, а Иван был с душком. И являлся ниточкой, ведущей к клубу. Весьма сомнительной ниточкой, это да, но к чему плодить сущности, если можно обойтись без них.

Грузовик продолжал пылить по дороге на Иркутск. Через каких-то полчаса они уже будут на аэродроме, где их должен ждать под парами нанятый самолет. Один длительный перелет, и они окажутся в Екатеринбурге. При отсутствии лишнего багажа, меньшем количестве пассажиров и дополнительном запасе топлива это вполне возможно.

Дальше, с новыми документами и приведя себя в порядок, – совершенно открыто на поезде до самой столицы. Никто не ожидает от беглецов подобной прыти. Да и не по плечу это им. Если только кто-то извне не озаботится. Пилоты же будут молчать. Вернее, они поведают о том, что их нанимали какие-то странные охотники. Ну да этим никого не удивишь. Каких только любителей острых ощущений не породил мировой прогресс.

Глава 3

Ответный ход

Несмотря на начало сентября, день выдался теплым, но не жарким. Первая половина осени – вообще замечательная пора. Солнце уже не палящее, а ласковое. Земля прогретая, а потому даже если и припекает на солнышке, в тени обязательно найдешь прохладу. Чего практически не бывает в разгар лета. Весной же, стоит укрыться в тени, как сразу тянет стылостью, потому как ни земля, ни дома после зимы еще не прогрелись.

Глафира бодро шла по улице, метя подолом длинного платья дорожную пыль. Колпино хоть и имеет статус города, но с тротуарами тут просто беда. В центре еще есть, но ближе к окраине не сыскать. А ей нужно было именно сюда, в одну неприметную усадьбу. Ждут ее там. И, как она надеялась, с нетерпением.

Вообще-то девушка отвыкла от подобной грязищи. Эдак пройдешься, а потом хоть в баню иди. Ну да ничего. Баня, там, не баня, а самая настоящая ванная во флигельке для прислуги имеется. Причем с душем, из которого льется самая настоящая горячая вода. Сама подбирай температуру, какая тебе нравится, и мойся на здоровье. Хозяева вообще ратуют за чистоту. Да и прислуга не сказать что из поросят, оценила заботу хозяйскую.

Дойдя до середины улицы, Глафира быстро стрельнула взглядом окрест, открыла калитку в глухом заборе и шагнула под сень липы, раскинувшей свою крону над всем просторным двором. Прошла по сколоченной из досок дорожке и поднялась на высокое крыльцо большого дома.

– О. Глашенька пришла. Проходи, как раз самовар поспел, – встретил ее с радостной улыбкой хозяин дома.

Мужчине было лет тридцать. Но, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, уже успел овдоветь. Причем схоронил не только жену, но и деток. Горе у человека, вот и не вынесла душа, решил сменить место жительства. Перебрался в Колпино, где и прикупил эту усадьбу на окраине города.

Человек мастеровой. Руки золотые. По дереву резал так, что залюбуешься. Вон по всему дому его работа стоит. Резал он и деревянные статуэтки, и шахматы. В основном работает под заказ. Раз в неделю катается в Петроград, где сдает свою работу одному лавочнику. Зарабатывает хорошо. Хозяйственный, опять же. Любая баба с радостью пойдет за такого.

Вот и Глашенька соблазнилась завидным женихом. Нет, поначалу-то он ей не глянулся. Подумаешь, стоит мужик и торгует с лотка деревянными поделками. Да еще и отдает за бесценок. А он ее заприметил, и как не увидит, всякий раз пытался обратить на себя внимание. Ей частенько приходилось бывать на городском рынке, вот и виделись.

А однажды Глафира встретила его уже без лотка. Внешне он преобразился, причем серьезно так. Не господское одеяние, но зато все новое и качества хорошего. Дорогая ткань, и по всему видать, не простая портниха шила, а знающая. Да сапоги не казенные и не от криворукого сапожника. Тут и кожа, и строчка. Дорогой наряд на мужике, нечего сказать. И тут Глафира на него посмотрела уже по-другому.

Как оказалось, повстречался Архипу на рынке один лавочник, который, увидев его поделки, так в него и вцепился. Начал вызнавать, с каким деревом работает да может ли по картинкам вырезать. И заказ первый сделал. А потом пошло-поехало. Теперь Архип своими поделками не торгует. Только режет на дому да возит в столицу. Ну а результат...

Усадьбу выгородил высоким забором. Дом привел в порядок. И все-то у него теперь ладно. Разве что подруги сердечной все еще нет. Ну да это дело наживное. И Глафира упускать

свой шанс не собиралась. Тем более что, кроме дел сердечных, появились у них и иные. И все идет к тому, что очень скоро они смогут заработать столько...

– Только чаю и предложишь? – игриво стрельнув в мужчину глазками, спросила она.

– Ну так... Ты же говорила, что сегодня до вечера отпросишься, – безнадежно вздохнув, опустил мужчина на стул, тут же оставив самовар в покое.

Видно было, что поспешность зазнобы его расстроила. И этот несчастный вид пролился бальзамом на девичье сердце. Ну, с девичеством у Глафиры уже были некоторые сложности. Но с другой стороны, едва минуло двадцать два. И пусть от невинности не осталось и следа, зато появился жизненный опыт, каковой имеется далеко не у всех женщин и более старшего возраста.

– Ты чего, Архипушка? Никак расстроился? – присев перед ним и беря его руки в свои, ласково проговорила Глафира.

– А то нет. Живем, как... Видимся урывками и когда господа позволят. Вот и теперь. Я думал... А они вишь, все по-своему повернули, – в сердцах выпалил Архип, разве что по столу кулаком не стукнул.

А и стукнул бы. Да Глаша перехватила крепкий мужской кулак и, потянув к себе, поцеловала побелевшие костяшки. От прикосновения мягких губ рука вздрогнула, а взгляд, обращенный на девушку, потеплел.

– Глупый мой. Горячая головушка. До утра меня отпустили. До самого что ни на есть утра. Завтра Анна Ильинична подберет меня на базаре, когда за покупками приедет.

– Правда? – не веря в свое счастье, выдохнул Архип.

– Ага, – радостно кивнула девушка.

– Так а чего же тогда?

– А ты не хочешь, – с показным недовольством отстранилась от него девушка.

– Хочу, – поспешно выпалил Архип.

– Вот и ладно, – потянув его за руку в сторону спальни, задорно выпалила Глаша...

Н-да. Хорошо-то хорошо, но не мешало бы все же озаботиться удобствами. Привыкла она уж к ванной в доме и к тому, что мыться можно не раз в неделю в бане, а каждый день. А при надобности – так и в любое время. Ну разве что нужно протопить водогрейную колонку. Но дело это недолгое. А тут кувшин да таз. Сплошные неудобства.

– Архип, а давай в новом доме сделаем водопровод, поставим водогрейную колонку и ванную? Как в господском доме. Я узнавала, стоит это не так дорого. Ну, по тем деньгам, что нам заплатят, – выходя в гостиную, где на столе исходил паром самовар, предложила девушка.

– Уверена, что недорого? Нам ведь еще и дом покупать. Здесь оставаться опасно. Про Пастухова твоего такие страсти рассказывают. А ну как извернется, аспид? Да и тесть его, Игнатьев этот, тоже вроде как не подарок.

– Да нам уже дали пятьсот рублей, и еще заплатят целую тыщу. Это же страсть какие деньги получаются! Хватит и на дом, и на обустройство. Говорю же, я все узнала. Ну пожалуйста, – начала канючить девушка.

– Хм. Нет, если оно все так удобно, как ты говоришь... Опять же, детки пойдут, купать их где-то надо, стирка, то да се. Ну и мне сгодится, если какая грязная работенка по хозяйству. А без нее в своем доме никак. А то обмыться можно только под колодезной водой.

– Удобно, Архипушка. Ты даже не представляешь, как удобно! И все-то ты верно говоришь.

– Э-эх, один раз живем, – махнул рукой Архип. – Будет, как ты желаешь. Да только...

– Что? – всполошилась девушка.

– Так ведь делим шкуру неубитого медведя.

– Ерунду говоришь, Архипушка. Да я ради нашего счастья в лепешку расшибусь, а все, что надо, визнаю, – подбоченившись, уверенно заявила девушка.

- Ну, если так, то, считай, домик с ванной у нас уже в кармане.
 - И с туалетом теплым, – припечатала Глафира.
 - Чего-о? – удивился Архип.
 - Да там мелочи. Уж в сравнении с ванной-то. Тьфу и растереть. Тем более что водопровод уже будет. Зато зимой не нужно будет зад морозить.
 - Это вонь в доме разводить?
 - Ничегошеньки ты не понимаешь. Ну да я тебе потом все покажу и обскажу. Никакой вони не будет. Все устроится чинно и пригоже. Господа, чай, толк в этом деле знают. А ты когда к Викентию Семеновичу собираешься?
 - Так утренним поездом и поеду. Заодно и работу лавочнику сдам.
 - Значит, утром?
 - Утром, утром. Ладно, обедать пора, а мы чаем кишки полощем.
 - Успеется, – накрывая его крупную кисть своей ладошкой, томным голосом произнесла Глафира.
 - Побойся бога, Глашенька, – нервно сглотнул Архип.
 - А чего мне бояться? Нешто не женишься на мне?
 - Женюсь, как не жениться. Что за глупости городишь?
 - А тогда и греха в том нет.
 - Да я не о том.
 - А я о том. Страсть как по тебе за эту неделю соскучилась.
- Ну а что Архипу оставалось делать? Похоже, невеста, вырвавшаяся из господской усадьбы на побывку, собиралась взять свое. И побольше, побольше. Конечно, в этом ничего плохого нет. И она очень даже ладная, с огоньком. А он все еще в силах. Но до вечера еще очень далеко. До утра – так и куда дольше...
- Так что интересного для Викентия Семеновича есть? – когда они наконец сели обедать, спросил Архип.
 - Да так, ничего особенного. Хозяйка все вокруг дочки скачет, словно наседка. Бегала со своими железками, бегала, милее этих самых машин для нее ничего не было. А как дитя родила, так в ней сразу баба проснулась. Да так, что о железках и думать забыла.
 - Ну так. Натуру-то бабью не обманешь. Если Господь назначил бабе рожать и растить детей, так никуда от этого и не денешься. Сколь ни бегай, а нутро наружу все одно вырвется.
 - Вот верно ты говоришь, Архипушка.
 - А еще что?
 - Ну, я так поняла, что на заводе у хозяина уж все готово, и они вроде как скоро собираются его запускать. Но о делах они при прислуге не особо говорят. Все больше в кабинете. А туда прислуга ходит, только когда сам хозяин велит прибраться. А как войдешь, ни одной бумажки на столе нет. Все в сейф прячет.
 - Ну, то понятно. А название сейфа, как я просил, ты записала?
 - Скорее уж перерисовала, как увидела. Не по-нашему писано-то.
 - А с тем пускай Викентий Семенович разбирается, – отмахнулся Архип, принимая из рук невесты бумажку с чудными каракулями. – Ну а вообще что-нибудь еще есть? Может, про соседа его, Кессениха этого, что вызнала?
 - Вызнала, как не вызнать. Он-таки решил перевезти сюда свою семью. Устал в разлуке-то жить. Вот и зовет их в Россию. А и то, эвон какую усадьбу поставил. В Германии небось такого нет.
 - Ясно. А схему усадьбы нарисовала?
 - Ну да. Все как ты и просил. Вот, – выкладывая перед Архипом сложенный в несколько раз листок бумаги, гордо заявила Глафира.

– Ну и чего молчишь? Клещами все из тебя тянуть? – недовольно заметил Архип, разворачивая бумагу.

– Чего ты так-то, Архипушка? Я же... А ты... – обиженно надулась девушка.

– Господи, Глашенька, ну прости ты меня, дурака несусветного, – тут же опустившись перед ней на колени, с искренним раскаянием произнес Архип.

А дабы придать своим словам веса, еще и обнял ее, крепко прижимая к себе. Чтобы ни капли сомнений, насколько крепко он ее любит. На что способна обиженная женщина, и вообразить себе трудно. Но уж если решит посчитаться, то мало не покажется. А главное, предугадать, как и куда именно она ударит, попросту невозможно.

– Я же только ради нас стараюсь, – начал увещевать он. – Чем больше и лучше выведем о твоих господах, тем скорее получим свое и заживем на зависть всем. У меня и без того заработок хороший, а тут еще и деньга большая. Переедем в другой городок, да хоть в Гатчину. Поставим домик, и я так же буду ездить в Петроград, поделки свои сдавать.

– В Гатчине абы какой домик не поставить, – успокаиваясь, деловито сказала Глаша.

– А на что нам деньги? Не молиться же на них.

– А и правда, – озаряясь счастливой улыбкой, согласилась девушка. А потом сразу же стала важной и ткнула пальчиком в бумагу: – Я там указала, где какие посты. И куда кто глядит. И когда их меняют, тоже написала. Все как ты говорил.

– Не я. Викентий Семенович, – все же заглянув в бумагу, задумчиво возразил Архип.

– Ну так я же его не видела. Только с тобой и разговаривала.

– А, ну да, и то верно. Еще что есть?

– Больше ничего. Разве что завтра поутру господа собрались в гости к Игнатьеву. Тесть хозяина непременно хочет, чтобы внучка в его доме побыла. Ну и прием устраивает, что-то вроде смотрин внучки. Мол, у зятя-то само собой, а в его доме – уж совсем иное.

– И когда выезжают?

– Так часов в девять и выедут, – пожав плечами, охотно сообщила девушка.

– А кто именно поедет?

– Так хозяин с хозяйкой да Кессених этот.

– А сколько машин?

– Одна. Охрану с собой брать не будут. Не любит этого хозяин. Хотя остальным без охранников шагу ступить не дает. Говорит, что он сам как пес цепной, кого хошь порвет.

– Хм... Ну и чего ты молчишь? Чего тянула? Сразу об этом говорить надо было!

– Так а что такого-то? Великое дело – собрались в гости поехать.

– Вот что, Глашенька. Ты тут похозяйничай сама. А мне надо... Нет, на этот я уже опоздал, – глядя на карманные часы, качнул головой Архип. – Значит, на вечернем.

– Это куда это? – всполошилась девушка.

– В Петроград, куда же еще-то, – пожал плечами Архип.

– Так если ты вечерним, то... А обратно-то как?

– Ну... Придется переночевать в ночлежке. Зато может статься, что уже завтра мы получим наши деньги и уедем отсюда.

– Правда? – В глазах девушки плеснулась неподдельная радость.

– Истинно тебе говорю.

– погоди. А как же этот дом? – включив хозяйскую хватку, уточнила она.

– А что с ним не так-то? Выставим на продажу. Попрошу соседа, он все обставит лучшим образом. Ну, заработает и сам малость, не без того. Но нам тут уж лучше будет не задерживаться.

– Ага. Ну да. Так оно и впрямь лучше.

Через два часа, после очередной прогулки в спальню, Архип при полном параде вышел на крыльцо дома. Нужно было поторапливаться. Не то он и на вечерний поезд опоздает. А вот

этого допустить никак нельзя. Когда еще подвернется такая удача, чтобы все трое оказались в одной машине, да еще и без охраны. Пастухов слишком уж самоуверен, этого у него не отнять. Телохранителей рядом с собой не терпит. Подумаешь, в бронированном авто и вооружен до зубов. Неправильно это. Хм. Для него неправильно.

Мелькнула было мысль избавиться от девушки. Но Архип тут же отбросил ее как несостоятельную. Во-первых, она утром должна будет встретиться с домоправительницей и вернуться в усадьбу еще до отъезда хозяев. Пастухов хоть и самоуверенный, но воробей стреляный, может всполошиться. Во-вторых, уж сколько раз он ходил по краю, да только ни разу под кручу не сорвался. А тогда в Глаше потребность даже увеличится.

И потом. Девка жадная до денег. Вроде и любит Архипа, млеет рядом с ним, но задаток пятьсот рублей прибрала в свои ручонки. Опять же, не хочет просто так бросать вот этот дом Архипа. А он не так-то дорого стоит. Уж на фоне полутора тысяч рублей – точно. Не совершит ли она какую глупость? Нет, пожалуй. Такая свой шанс не упустит. Тут ведь и жадность, и любовь. Уж Архип-то точно знает, что втрескалась она в него по самое не могу. А это гремучая смесь. Так что пусть живет. Вреда не будет.

Утро выдалось просто замечательным. Середина сентября, а уже неделю стоит солнечная погода. Огорчает только одно. В такую сушь, даже при медленной езде по дорогам, лишенным асфальтового покрытия, автомобиль поднимает целый столб пыли. Впрочем, особых проблем это не составляло. Резиновые уплотнители и пыльники сделали кабину достаточно герметичной, чтобы противостоять этой напасти.

Единственное слабое место – воздухозаборник. Но и там заботами Петра был установлен фильтр. Конечно, поток воздуха от этого резко понизился, но это не беда. Для вентиляции салона его вполне достаточно. А что до прохлады в жаркий день, так с этим вполне управится и вентилятор. Они теперь входят в комплектацию всех автомобилей представительского класса.

Пастухову и Кессениху это только на руку. Их ведь изобретение, и с каждого установленного экземпляра им капает копейка. Немного, но там капля, тут капля – и получается ручеек. Причем, с учетом других лицензий, весьма полноводный. К примеру, еще два года назад Кессениху такие доходы и не снились. А теперь сумма как бы и не кажется такой уж большой. Ну, в свете-то маячащих на горизонте перспектив.

– Глаша, саквояж с детскими вещами положи в багажник, – спускаясь со ступеней большого крыльца и прижимая к себе запеленатого младенца, распорядилась Александра.

Несмотря на предложение Петра нанять нянечку, Александра отказалась от такой блажи. Нет, до рождения ребенка она взирала на этот вопрос вполне благосклонно. Но как только Ирина появилась на свет, так и думать об этом не желала. Да, трудно. Да, частенько не высыпалась. Но, тем не менее, в этом есть свое очарование, прелесть и притягательность. А еще, вероятно, сказалось то, что сама росла без матери, пусть и окруженная любовью.

– Уже несусь, Александра Витальевна, – тут же отозвалась служанка, обряженная в темно-коричневое платье с белоснежным накрахмаленным фартучком и аккуратный чепец.

В руках она несла объемный саквояж, по вместимости с легкостью соперничающий с чемоданом. Ничего не поделаешь, младенец – он и есть младенец. Вроде одна только малютка, а на заднем дворе постоянно полощутся на ветру марлечки, пеленки, распашонки и чепчики. Да у прислуги вечно целая гора глажки. Просто удивительно, как удастся эдакой крохе озадачивать заботами всех домочадцев.

Поэтому при виде большого саквояжа Петр только головой покачал и ничего не сказал. А что говорить? Матери виднее, что и как сделать. Опять же, пусть и сирота, рядом есть многоопытная и заботливая Анна Ильинична, их домоправительница, которая души не чаяла в Александре. Шутка сказать, сызмальства растила девчушку. Игнатьев даже немного обиделся, когда она после стольких лет службы вдруг подалась в другой дом, пусть и к его же дочке.

Но с другой стороны... А куда Anne Ильиничне еще-то податься? Если она эту егозу за дочь родную почитала, а своей семьей так и не обзавелась? Ну и какая мать бросит свое дитя? То-то и оно.

– Анна Ильинична, может, с нами? Папа обрадуется, – предложила Александра.

– Нет уж, благодарствуйте. Вон на мне какая усадьба. Поди за всем уследи. Так что некогда мне по гостям разъезжать. А с батюшкой вашим мы и без того виделись два дня тому назад. Езжайте уж с богом.

Хоть и недалний путь предстоял, а женщина все же тайком перекрестила отъезжающую машину. При этом Глаша как-то зябко повела плечами и глубоко вздохнула. Уж она-то знала, насколько это не рядовой выезд семейства Пастуховых и как может им пригодиться вот такое благословение.

Архип продолжал следить за автомобилем, пока тот не покинул усадьбу. И только убедившись, что все птички находятся в клетке, спустился с дерева. Все идет по запланированному сценарию. Если бы что-то пошло не так, то он ничего не предпринимал бы. А коль скоро все нормально, то сейчас запалит чадающий костер. А что такого? Подумаешь, детвора обнаружила рваную автомобильную крышку да подпалила ее. Эка невидаль.

Ну, может, наблюдатель на пожарной каланче малость напряжется. Но ненадолго. Даже тревогу поднимать не станет. Они там опытные, поэтому дым чадающего костра никогда не спутают с пожаром. На пожаре дым не черный, как от сгоревшей резины, а грязно-бурый и жирный. Трудно найти более точное определение. Словом, отличается он, чего уж там.

Зато для готовящихся нападение Крапивы с подельниками это послужит сигналом ожидать гостей. Они тут неподалеку, всего-то в версте с небольшим. Так что дым увидят однозначно. А вот если сигнала не будет до десяти часов, то ничего предпринимать не станут и тишком уйдут восвояси. Потому как если с этим Пастуховым хоть малость что не так, то лучше пере-страховаться. Уж больно ушлый, сволочь.

Архип подошел к сложенным друг на друга трем автомобильным крышкам и, облив из бутылки смесью бензина, керосина и гудрона, поджог их. Загорелось сразу, и быстро не прогорит, резина запылилась основательно. От усадьбы Пастуховых до моста через Ижору верст пять, так что все будет вовремя.

Ну что ж, дело сделал, пора и честь знать. Признаться, устал уже сидеть в этом Колпино и изображать из себя отчаянно влюбленного. Нет, Глашенька прелестница что надо. Огонь-девка! Главное, чтобы здоровья хватило. Только вот она все время в усадьбе. Архипу же приходится разыгрывать из себя добропорядочного жителя небольшого промышленного городка близ столицы. Скуотища.

А так, считай, дело он свое сделал, и теперь можно напрямик на станцию. Через час с небольшим поезд на Петроград. Чем бы тут ни закончилось, убираться ему нужно в любом случае. С Глафирой это оговорено заранее. После несчастья она должна будет выждать какое-то время, а потом отправиться по одному адресочку. Липовому, понятное дело. Но ей это знать необязательно. Потому что до Петрограда она все одно не доберется и в скором времени отправится на небеса. А там уж пусть ее определяют в рай или ад.

Архип бросил последний взгляд на уже пышущее жаром пламя и пошел прочь. Все. Нечего ему тут делать. Он свою задачу выполнил.

– Крапива, есть сигнал! – вскочив на ноги, с радостным возбуждением едва не прокричал Студень.

При этом он указывал рукой в сторону поднимающегося примерно в версте столба черного дыма. А дым в той стороне означал, что до долгожданной встречи осталось не так чтобы и много. Крапива перевел взгляд на наблюдателя, расположившегося на дереве. Оттуда видна

центральная улица Колпино, представляющая собой небольшую часть Московского тракта, протянувшегося параллельно железнодорожному полотну.

– Ну чего там, Варнак?

– Тихо пока, – послышался ответ мужчины среднего сложения, с черной копной волос.

Он хотя и не отличался худосочностью, но в коdle был самых скромных статей. А потому и на дерево пришлось лезть именно ему. Конечно, при желании Крапива мог набрать хоть целую толпу. Но тут такая ситуация. Вот так просто подписать народ ради того, чтобы кого-то грохнуть, не получится. Если кто из деловых и пойдет на подобное дело, то за серьезный фарт. А какой тут фарт? Только свинец и можно получить. За Купцом не заржавеет. А на кармане у него хабар если и будет, то самый мизерный.

Студень предложил было захватить бабу Купца да порастрасти его мошну. А что такого? За нее да за дите он ничего не пожалеет. А мужик он богатый. И не сказать, что идея столь уж плоха, наоборот, вполне даже подходящая. Но Крапива отмахнулся от нее без раздумий. Заявил, что Купец с бабой задолжали ему по другой части, и за то должны уплатить кровью. А всякий иной расклад Крапиве неместен.

Вообще-то он даже себе с трудом был готов признаться, что попросту боялся этого парня. Дурная у него привычка сметать возникающие на пути преграды. Тогда, в тайге, Крапива ведь не промазал. И даже если не убил, попал-то хорошо. Любой другой на месте Купца... А этот поднялся, да еще и Рябого с Рохлей завалил.

Нет, ну его к ляду. Этого только кончать. Сразу и наглухо. Начни с ним игры играть, и неизвестно, чем все кончится. К тому же он себе охрану завел. Как пояснил тот самый неизвестный, вытащивший их с каторги, все из фронтовиков и бывших полицейских. Причем не из тех, что по рынкам да рюмочным поборами занимаются, а из настоящих легавых и волкодавов.

– Крапива, едут! – прерывая его размышления, раздался сверху голос наблюдателя.

– Точно он?

Сегодня воскресенье, а потому движение на тракте не особо оживленное. К примеру, за последние полчаса в обоих направлениях проехало едва ли с десятка автомобилей и полдюжины подвод. Вот в будние дни – совсем другое дело. Не сказать, конечно, что поток сплошной, но все же куда как веселее.

– Точно они, Крапива. Гадом буду.

– Ползи вниз.

Впрочем, команда излишняя, Варнак и без того уже торопливо перебирает конечностями по ветвям, спускаясь на землю. Итак, если наблюдатель ничего не сказал о других машинах, получается, что со стороны Колпино никого, кто бы им помешал, нет. Дорога в сторону Петрограда просматривается чуть ли не на версту. И там пусто. Просто идеально.

– Давай, выезжайте! – напрягая голос, прокричал Крапива, подавая сигнал подельникам.

Через реку Ижору есть только два моста. Один – железнодорожный и второй, вот этот, – обычный каменный. В моду уже входит название «автомобильный», нужно же как-то их отличать. Так вот, этот мост тем, кто направляется в столицу, никак не миновать. Нет других переправ для автомобилей. Ну разве что еще дамба, выше по течению. Но это придется делать изрядный крюк и проезжать по территории завода. А иначе никак. Дамба-то старая, заводская. По тракту оно куда проще.

Получив команду, с противоположного берега двинулась подвода. С этой стороны – грузовик. Посередине моста они встали, имитируя столкновение. Возница тут же скинул с повозки пару мешков, набитых сеном. Да так, чтобы они были заметны из подъезжающей машины. А сам возница и шофер встали друг напротив друга и начали ругаться, азартно жестикулируя руками. Вот молодцы. Артисты просто.

Студень занял позицию на противоположной стороне от дороги. Крапива и Варнак – на этой. Расчет прост. Купец наверняка выйдет из авто, чтобы узнать, что тут случилось. Ну и

разобраться с препятствием. Не станет же он кричать из своей бронированной консервной банки, эдак его и не услышит никто. А как только он выйдет из машины, тут уж и они за дело возьмутся.

Крапива присел за деревом в пяти саженях от края дороги и перехватил поудобнее маузер. Забрасывал он удочку по поводу той самой тархтелки, что под стать пулемету, только плюется пистолетными пулями. Но неизвестный лишь посмеялся, заявив, что губа у Ивана не дура.

Так что «томпсоны» им не обломились. Зато для каждого нашлось по маузеру. Все польвованные, с частично стертым воронением и царапинами на кобурах. Но в остальном оружие в отличном состоянии. Беглецы уже успели пострелять по банкам. А то как же, идти на дело с непроверенным стволом – глупость несусветная. К тому же, как оказалось, маузер куда более точен, чем пистолет-пулемет. Но вот скорострельность...

Крапива задался целью раздобыть себе такое оружие. Уж больно картина расстрела Гордея запала ему в душу. Опять же, от людей с фронтовым опытом слышал, на что способен пулемет. А чем еще является «томпсон»? Пулемет и есть. Только маленький такой, оборотистый. То, что мамка прописала.

Наконец из-за поворота появился автомобиль, взметающий за собой шлейф пыли. Он и есть. «Руссо-Балт». И номер тот самый. Крапива злорадно ухмыльнулся, вжал кобуру-приклад в плечо и взвел курок. Ну, давай, милай. Иди к папочке. Уж на этот-то раз он тебя приголубит. С гарантией. Лично мозги вышибет. Вот этой самой рукой.

«Руссо-Балт» приблизился к мосту и, как ожидалось, остановился, тут же окутавшись клубами пыли. В результате этого автомобиль практически полностью пропал из виду. Через плотную завесу проглядывали только неясные очертания черного лимузина. «Н-да. Черный цвет – он того... Маркий, просто жуть», – бог весть отчего подумалось Крапиве, наблюдающему за мостом сквозь прицел пистолета.

Но в следующее мгновение ему уже было не до этих размышлений. Потому что округа огласилась серией столь мощных взрывов, что от неожиданности – да и от испуга, чего уж там, – Крапива едва не выронил оружие. Находившийся рядом Варнак и вовсе распластался в траве.

Лошадь в повозке вздыбилась и с диким ржанием попыталась бежать. Но добилась лишь того, что повозка и грузовик на этот раз и впрямь сцепились намертво. Бедное животное, объятное настоящим ужасом, начало биться в ловушке, которую сейчас собой представляли оглобли. Правое копыто обезумевшей лошади врезалось в бедро шофера, который с криком, полным отчаяния и боли, повалился на мост.

Возчик выхватил пистолет и помчался к противоположному берегу, вывернув руку и пустив три пули в «Руссо-Балт». Ну или как минимум в его сторону. Он уже был на противоположной стороне, когда его выгнуло дугой от кем-то метко пущенной автоматной очереди.

Ничего этого Крапива не видел. Потому что попросту впал в оцепенение. Не было ни султанов земли, вздымаемых взрывами, не свистели осколки. Но страх все не проходил. Да и откуда Крапиве знать, каково это – оказаться под артобстрелом или когда позиции забрасывают гранатами. Его вогнало в ступор от непрерывной канонады, и поделаться с этим он ничего не мог.

Крапива видел, как из открытых дверей автомобиля выскочили вооруженные люди. Видел, как откинулся капот багажника, и оттуда также выскочили двое с оружием наперевес. Видел, как Купец пустил короткую очередь куда-то в направлении моста. Как потом развернулся, опускаясь на колено, поводя стволом по кустарнику рядом с дорогой. Все это он видел. Вот только предпринять ничего не мог.

К тому моменту когда Крапива наконец совладал с собой, ствол автомата уже смотрел ему в лицо. Расстояние так себе, плевое, поэтому он отчетливо рассмотрел черный провал

дульного среза. А в следующий миг тот полыхнул резкой искрой. И это последнее, что видел в своей жизни Крапива...

Петр подскочил и подбежал к дереву. Деловые уже лежали бездыханными телами. Одного из них приглубил он. Второго охранник. Хм. Надо же. Крапива. Значит, все же посчитались. Вот и ладно. Было бы обидно столько намудрить, а на выходе получить одну головную боль. Или вообще пшик. Впрочем, головная боль будет, как и самое что ни на есть детальное разбирательство. А то как же – устроили целое побоище, считай, в черте города.

Но пока...

– Здесь двое! Оба готовы, – выкрикнул Петр.

– Один. Готов, – послышалось с противоположной обочины.

– На мосту двое. – Раздался запоздалый выстрел. – Оба готовы.

Вот и ладно, что готовы. Теперь осталось полиции представить все в надлежащем свете. Но трудности вряд ли возникнут. Вон оно, оружие в их руках. Налицо классическая засада. Вот только нужно внести пару штрихов. Петр подхватил руку мертвого Крапивы с зажатым в ней маузером, прицелился и несколько раз выстрелил по автомобилю, оставляя отметины на кузове и стеклах.

Все было обговорено заранее. Поэтому с остальными поступили так же. Несколько выстрелов из оружия в руках бандитов. Так чтобы и пороховая гарь осталась, и отпечатки пальцев были на месте. А то кто знает, как далеко тут шагнула криминалистика. Должно пройти. Опять же, все пятеро – беглые каторжники. Причем двое из них полтора года назад уже покушались на жизнь Пастухова, за что и схлопотали очередной срок.

Тут еще и шумиху можно будет поднять, вновь приплетя темные силы тайного клуба. Не от своего имени, конечно. От себя только некие туманные намеки, не более. Ну, к примеру, как могли беглые каторжники так быстро добраться до столицы? Ведь еще пару недель назад вовсю махали кайлами на строительстве Транссиба?

Вообще-то все должно было быть по-другому...

Петр вовсе не забывал о том, как боевики тайного клуба подобрались к семейству Игнатьевых. Поэтому, чтобы не усложнять жизнь потенциальным врагам, решил направить их действия в строго определенное русло. Для чего ему в доме понадобилась молодая служанка.

Нужную особу он нашел в приюте общества вспомоществования падшим женщинам. Не надо удивляться, есть в Петрограде таковое. Причем не одно. Пастухову известно еще как минимум о двух подобных приютах в Российской империи. В Москве и в Киеве. Там бывших проституток обучали какой-либо профессии, после чего заботились о предоставлении им рабочих мест. В основном из них готовили прислугу, портних, сестер милосердия для больниц и госпиталей, гувернанток и тому подобное. Список был довольно обширен. И призирали за этими домами дамы из высшего света. Вот такие выверты.

В петроградском приюте Петр и подобрал себе служанку по имени Глафира. Девушка не только обладала хваткой, но и оказалась прирожденной актрисой, что в свое время гарантировало ей популярность у клиентов. Она ничуть не ступевалась, узнав о том, что ей, возможно, придется играть роль обманутой любовницы. К прежней жизни возвращаться она не желала, но ведь тут совсем иное. Это нельзя ставить вровень с домами терпимости. Опять же, плата настолько высокая, что можно будет озаботиться собственным делом.

Словом, обо всех телодвижениях тайного клуба вокруг своей персоны, связанных с Глафирой, Петр знал доподлинно. Мало того, готовился накрыть очередную группу. Впрочем, этих убивать он не собирался, решив взять под контроль. Чтобы они дышали так, как скажет он.

Нет, в Петре вовсе не проснулся дар вербовщика или контрразведчика. Боже упаси! К чему лезть в дела, в которых ничего не смыслишь? Он только обозначал задачу и конечную цель. Остальное отдавал на откуп Акимову. Кстати, не всегда выходило так, как того желал

Петр. Случалось, его начальник службы безопасности все переиначивал, и Пастухову ничего не оставалось, кроме как принять его правоту.

Так вот, пока они собирали необходимую информацию о группе и выходили на всех ее членов, Петр вдруг получил неожиданную весточку из Красноярска. К нему домой ни с того ни с сего заявился его компаньон по золотым приискам, Завьялов Игнат Пантелеевич. Да не один, а в компании с охотником из села Моты близ Слюдянки, где Петр отбывал ссылку. Было дело, не без участия Петра и Кессениха охотнику Семену Алешину спасли жизнь да жену вырвали из бандитских лап.

Охотник поведал об одном занимательном происшествии. Несколько дней тому назад нашли они с товарищами в лесу близ тракта раненого. Тот только день и продержался. Но прежде чем отдать богу душу, рассказал о побеге с каторги небезызвестного Крапивы с подельниками. И что тот собирается порешить Пастухова, которого за глаза звали Купцом. А еще сказал, что помогают беглым его бывшие хозяева.

Семен тут же всполошился и поспешил к купцу Завьялову в Красноярск, благо поезда ходят каждый день. Даже не подумал о том, что Игната Пантелеевича дома может и не оказаться, все же на прииске самый сезон. Но тот как раз прибыл в город за товаром. Прииск прииском, но и свои торговые дела Завьялов не забрасывал. Копейка, конечно, совсем уж скромная в сравнении с прииском-то, но тут главное не в приработке, а в том, что купца уважали, а потому и вокруг прииска тати особо не крутились. Что инородцы, что староверы за добро платили добром.

С появлением на арене Крапивы с подельниками все менялось. В принципе Петр уже мог начать тихо крутить группу тайного клуба. Более того, даже вычислить Крапиву и накрыть его берлогу не составило бы труда. По заявлению Акимова, ему для этого достаточно было пары недель. И Петр ему охотно верил.

Но в его планы не входило опять отправлять Ивана на каторгу. Ему бы не Крапивой прозываться, а Репейником. Уж больно приставучий. Поэтому Петр задумал известить и Крапиву, и его подручных под корень. Просто и без затей. Чтобы решить этот вопрос раз и навсегда.

Поэтому решили спровоцировать авторитета на нападение, да и положить всех разом. Все было разыграно на высшем уровне. И Архипа взяли, после того как он подал сигнал. И автомобиль сменили. Петр пересел в него, всячески избегая взгляда жены. Теперь, кстати, с ней придется объясняться. Он ведь от гениального ума не поставил ее в известность относительно своих намерений.

Когда лимузин остановился у моста, Петр не сомневался, что это засада. Но открывать огонь его люди не спешили. Мало ли, вдруг окажется, что и впрямь авария, а засада чуть дальше. Одно дело – упустить бандитов. Не вышло убрать по-умному, всегда можно вернуться к варианту Акимова. А вот убивать невинных совсем не хотелось.

Поэтому под прикрытием пыли пассажиры авто приоткрыли окна и начали разбрасывать вокруг светошумовые гранаты. Грохоту вышло изрядно. И у одного из бандитов на мосту не выдержали нервы. А как только он начал стрелять, так и люди Петра начали работать уже на поражение.

Вообще-то готовились к куда более серьезному выступлению. Даже озаботились бронежилетами. И что самое интересное, Петр не имел к их появлению никакого отношения. Подобными девайсами еще перед войной были оснащены полицейские обеих столиц, а сейчас постепенно снабжаются и остальные полицейские управления.

Ему удалось раздобыть образцы превосходящие казенные как в весе, так и в более дорогой выделке. Зато они держали маузеровский патрон, самый мощный из пистолетных, существующих на данный момент. Такие жилеты можно было купить в оружейных лавках. Товар, надо сказать, пользовался спросом в годы войны. Но вот после... Нет, в Америке, где всю

бушуют алкогольные баталии, очень даже популярная вещь. А вот в России... Но Петр приобрел целую партию, даже не задумываясь.

Так что... Да, риск имелся. Не без того. Но Пастухов сделал все, чтобы его минимизировать. Ну не с пулеметами же и винтовками на них должны были нападать бандиты? Лишь после того, как все было кончено, Петр и его люди поспешили избавиться от бронежилетов. Он даже решил сменить жилет от своего костюма с вшитой под подкладку кольчугой от ножевого удара. Чтобы ничто не указывало на их готовность к нападению...

И-да. Воскресный день выдался на удивление суетным. Кроме колпинской полиции, подтянулись чины из столицы. Нет, личности, подвергшиеся нападению, тут ни при чем. Вот если бы сам Игнатьев... А так... Но вот то обстоятельство, что было применено сразу несколько автоматов, – уже совсем другое дело.

Петр подозревал, что теперь в Госдуму пойдет петиция с требованием запретить автоматы в гражданском обороте. Ведь, по сути, Петр не нарушил существующие законы об обороте оружия. Там же четко прописан запрет на пулеметы. А «томпсон» таковым не являлся, хоть тресни. У него в оружейном мире уже есть классификация, и числится он именно как пистолет-пулемет. Разница, однако.

Так что, несмотря на стечение большого количества полицейских чинов, разбирательство заняло не так уж много времени. Уже через несколько часов Петра и его телохранителей отпустили. Их, конечно, предупредили, что еще потревожат, но суть была ясна как день. Если и вызовут, то только ради какой-нибудь формальности.

Все стало куда интереснее уже после того, как уехали полицейские. Петр как раз устранился за рулем, готовясь вернуться домой. Разбираться с агентами тайного клуба предстояло Акимову. А его учить – только портить. Так что пора предстать перед разъяренной супругой. Как говорится, раньше сядешь – раньше выйдешь. Опять же, чем короче промежутки, тем меньшая буря разразится.

Но когда Петр уже хотел захлопнуть дверь, его окликнул очередной чин. На этот раз со знаками различия жандармского управления. И данное обстоятельство Петру совсем не понравилось. Этот тип появился самым последним. Как видно, информация дошла слишком поздно. За все время ротмистр не задал ни одного вопроса. Только ходил, как тень, и внимательно слушал.

– Петр Викторович, ротмистр Потапенко Григорий Юрьевич. Позвольте отвлечь вас. Я ненадолго, – примирительно улыбнувшись, уточнил жандарм.

– Можно подумать, у меня имеется выбор, – пожал плечами Пастухов. – Говорить будем здесь?

– А есть варианты?

– У вас в управлении, – пожал плечами Пастухов.

– Отпадает, – тут же отверг ротмистр.

– У меня дома?

– Хотите спрятаться за мной от разъяренной супруги? Нет уж, – покачав головой, не согласился Потапенко.

– Ну, тогда не знаю. У нас в городе есть ресторация. Она, кстати, уже работает. Нет? Тогда на заводе, в моей конторе.

– А может, отъедем в сторонку, побеседуем, а потом каждый по своим делам?

– Так просто? – удивился Пастухов.

– А к чему городить сложности?

– Ладно.

Отъехали они совсем недалеко. Водитель ротмистра со своим авто и телохранители Петра остались у моста, откуда спешно разъезжался народ. Проезд освободился, движение возобновилось, и одна из первых пробок этого мира пришла в движение. Петр же отвернул в

сторону и встал посреди полянки. Видно их со всех сторон, но вот поди пойми, о чем они там беседуют. В конце концов, ротмистру именно это и было нужно.

– Петр Викторович, я попросил бы вас отдать распоряжение своим волкодавам передать ваших пленников жандармскому управлению, – сразу же без обиняков заявил ротмистр, едва авто остановилось.

– О чем это вы? – разыграл искреннее удивление Петр.

– Капитан Ключев предупреждал, что с вами может быть непросто.

– Ключев?

– Мы с ним вместе на германском фронте гонялись за шпионами и ходили в рейды по тылам противника. После войны я вернулся в жандармское управление, а он продолжил службу в контрразведке. Это именно его стараниями мне стало известно о необычном побеге с каторги Крапивы и его подельников.

– А ему-то откуда знать, что побег необычный?

– Ну, один охотник обязан вам жизнью, другие предпочитают сотрудничать с Ключевым. Способов-то много. Не все же, подобно вам, умеют лишь всё испохабить.

– Я гляжу, вам многое известно.

– Уж поверьте. Итак, Ключев сложил два и два, а получив ответ, поспешил задействовать свои связи, потому как остальное было вне компетенции его ведомства. Но пока проводилось согласование, то да се, вы не дремали. Нам удалось кое-что установить, но вот предпринять мы уже ничего не успели. Все понеслось вскачь.

– Ближе к делу, господин ротмистр.

– Как скажете. Итак, с Крапивой вы разобрались. И сделали это красиво. Даже если эту ситуацию расковырять до донышка, то вам по большому счету нечего предъявить, кроме самообороны. Ну, может, вы ее чуть превысили. Очередная ссылка, и это в худшем случае. Но что касается эмиссаров тайного клуба... Здесь ваша вендетта заканчивается и начинается политика. Слишком уж влиятельные личности могут оказаться вовлечены в это дело. Что может вызвать обострение во внешней политике. Вы ведь не остановитесь, не так ли?

– А у меня есть выбор?

Нет, а что такого? Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец. И потом, тут до диктофонов пока еще не додумались. Вот записывающий фонограф есть. Но для его использования нужно либо соседнее помещение, либо большая коробка, а иначе никак.

– Вы напрасно считаете, что вас все время загоняют в угол. Выбор есть всегда. Как и в данном случае. Вы сделали все, что могли. Остальное оставьте нам. Императору не нравится, когда охотятся на его подданных, как на уток в осеннюю пору. Ему не по душе, что кто-то пытается ставить нам палки в колеса, коль скоро мы можем хоть в чем-то превзойти и поучить Европу. И вообще, какому хозяину понравится, когда чужие хозяйничают в его доме?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.